

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В.П. Барбашов

**ДИСКРЕДИТАЦИЯ ИЗВЕСТНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Монография

Барнаул 2019

ББК 63.3 (2)5

Б-45

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Н.В. Халина

кандидат философских наук, доцент Н.С. Серова

Барбашов, В.П.

Б-45 Дискредитация известной творческой личности в современном медиа-дискурсе: междисциплинарный подход: монография / В.П. Барбашов. – Барнаул: Типография АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2019. – 119 с.

ББК 63.3 (2)5

© Барбашов В.П., текст, 2019

© Типография АлтГТУ им. И.И. Ползунова, оформление 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТЬ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОМО LINGUENS.....	7
1.1. Взаимодействие языка и когнитивных структур человека.....	7
1.2. Целенаправленность как основа человеческой деятельности.....	10
1.3. Понятийная категория цели	12
1.4. Языковая и концептуальная картины мира	16
1.5. Интенциональность как феномен когнитивных исследований.....	19
1.6. Интенциональный концепт в медиа-коммуникации.....	24
1.7. Лингвистический спектр функционирования интенциональности.....	26
1.8. Социальная детерминированность интенциональности в СМИ.....	30
1.9. «Внутренняя форма» как квинтэссенция интенционального состояния.....	34
1.10. Роль коммуникативных стратегий в медиа-текстах	42
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ДИСКРЕДИТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ.....	45
2.1. Проблема единицы анализа: критика теории речевых актов.....	45
2.2. Сверхфразовое единство как единица анализа медиа-дискурса.....	50
2.3. Проблема установления значения в медиа-дискурсе.....	52
2.4. Дискурсивная парадигма исследования медиа-текстов.....	58
2.5. Этапы анализа медиа-текстов как фрагментов дискурса.....	67
2.6. Манипуляция как особый вид дискредитации.....	72
2.7. Дискредитация творческой личности: история и современность.....	74
2.7.1. Антисоветчик, фашист или патриот? (дело Игоря Талькова)	79
2.7.2. Известный музыкант – бандеровец? (дело Андрея Макаревича)	86
2.7.3. Как «убить» Народного губернатора? (дело Михаила Евдокимова)...	94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	104
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	106

ВВЕДЕНИЕ

В представленной монографии на основе разработанного нами междисциплинарного подхода, базирующегося на современных достижениях философии, психологии, языкознания, когнитивной лингвистики и других областей научного знания, изучаются аспекты дискредитации творческой личности в современном медиа-дискурсе. Сегодня в условиях глобализации телевидение, пресса, Интернет, радио, кино и другие средства массовой коммуникации являются важнейшими каналами, которые, как справедливо подчеркивает М. М. Назаров, «способствуют пониманию социальной реальности и зачастую формируют наши представления о ней» [Назаров, 2014, с. 24]. В то же время восприятие текста массовой коммуникации вероятно, поскольку каждый читатель произвольно выбирает для чтения из выпуска те материалы, которые он находит важными и интересными. Читатель массовой информации специально не обучен единым правилам понимания и воспроизведения ее текста. Читательская интерпретация текста массовой информации производится в соответствии с навыками, знаниями и мнениями, которыми характеризуется аудитория в целом [Волков, 1984, С.37].

На наш взгляд, исследование данного феномена на сегодняшний день представляет значительный общественный интерес [Альмяшев, Барбашов, 2017], поскольку все чаще в современных СМИ встречается языковой материал, прямо или косвенно направленный на дискредитацию известной творческой личности в России: поэта, музыканта, актера, художника. В результате у реципиента (читателя или зрителя) возникают вопросы, на которые он, не обладая научными знаниями, не всегда находит ответ. Например, почему материалы о наркотической зависимости Владимира Высоцкого (1938-1980), от которой выдающийся поэт XX века страдал и мучительно пытался излечиться, в том числе и за рубежом (США, Франция), занимают значительное пространство в медиа-дискурсе? Кому и зачем выгодно трансляция в СМИ образа алкоголика и наркомана в отношении

гениальной творческой личности XX в., поэтические произведения которого (более 800 стихотворений и песен) до сих пор не включены в школьную образовательную программу? По какой причине все больше передач и фильмов об Игоре Талькове (1956-1991) посвящены в основном расследованию деталей его гибели во время концерта в Санкт-Петербурге, а не колоссальному творческому наследию (его книга «Монолог», песни, стихи, дневники, интервью), где эта творческая личность предстает перед нами не только талантливым поэтом, композитором и певцом, горячо любившим свою Родину, но и мыслителем философом, рассуждающем о многострадальной судьбе нашей Отчизны? Как его пытались дискредитировать при жизни?

Фактический материал монографии охватывает не только выпуски новостей или документальные фильмы на ТВ, но и публицистические тексты. Как подчеркивает Тен ван Дейк, «вопреки распространенным убеждениям новости, опубликованные в прессе, обычно лучше запоминаются, чем телевизионные новости, и воспринимаются как более качественные, что может влиять на убеждающий характер, а значит и власть этого типа дискурса» [Дейк, Т.А. ван, 2013, с. 76]. Здесь читатель монографии узнает об информационной войне со стороны СМИ против Михаила Евдокимова (1957-2005) в то время, когда он принял решение участвовать в губернаторских выборах в Алтайском крае в 2004 году. Все это нашло свое отражение в публицистических текстах, которые, как известно, характеризуются яркой авторской интенциональностью, поскольку основной задачей публицистики является убеждение адресата, оказание на него определенного воздействия [Матвеев, 2002, с. 89].

Сегодня в фокусе осложнившейся международной политической ситуации вокруг политического конфликта в Украине СМИ в качестве мишени для дискредитации выбирают не только политиков, представителей духовенства, общественных деятелей, но и людей творческих: актеров театра и кино, певцов, музыкантов, представителей шоу-бизнеса. Как подчеркивает

немецкий журналист Йоханнес Фосвинкель, «редакторы, репортеры, ведущие отдаются этому делу из-за цинизма и политических убеждений. При этом их не беспокоит нарушение профессиональной этики и утрата профессиональных стандартов» [Voswinkel, 2014, S.175]. Действительно, как объяснить то, что актер Михаил Пореченков, стреляющий на боевых позициях ополченцев у аэропорта г. Донецка, предстает в центральных СМИ чуть ли не героем, русским «рэмбо», а Андрей Макаревич, выступающий, с концертом перед беженцами в Святогорске, получает клеймо «предателя, поддерживающего хунту в зоне карательной операции»? При анализе практических источников в процессе определения возможных лексических значений языковых средств использованы словарные статьи таких лексикографических источников, как Словарь русского языка С.И. Ожегова или Толковый словарь русского языка В.И. Даля. В этих толковых словарях, пользующихся большим авторитетом, как у зарубежных, так и отечественных ученых зафиксированы национальные черты норм современного литературного русского языка.

Таким образом, современные глобальные изменения в социально-экономической, политической и культурной сферах поставили мировое сообщество перед фактом возникновения иной информационной цивилизации. В научном изучении медиа-дискурса фокус исследователей заметно сместился с коммуникативной функции на смыслообразующую, когда сам медиа-текст становится своеобразным генератором смыслов: исходно заложенный смысл подвергается в ходе культурного функционирования текста сложным переработкам и трансформациям, в результате чего происходит приращение смысла.

В монографии разрабатываются принципы изучения медиа-текстов в качестве модификаций духовных содержаний современного русского языка.

ГЛАВА I. ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТЬ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ HOMO LINGUENS

1.1. Взаимодействие языка и когнитивных структур человека

В процессе познания окружающего мира человек приобретает все новые знания. Знание, как известно, составляет основу предмета познания, на который направлена деятельность познающего субъекта. Поскольку окружающий мир постоянно изменяется, человек стремится к приобретению новых знаний, их систематизации, совершенствуя тем самым формы познавательной деятельности. В центре исследовательских интересов когнитивной науки находятся ментальные процессы, которые позволяют выделить человека как существо разумное (*homo sapiens*), способное в результате познавательной деятельности приобретать и обобщать определенный опыт. Фундаментальное значение имеет тот факт, что человек, как мыслящий субъект способен осуществлять не только когницию, но и коммуникацию с индивидами определенного социума, что является закономерным следствием развития форм общественных отношений в ходе исторического процесса. Подавляющее большинство различных видов человеческой деятельности протекает при участии языка. Данный феномен объясняется тем, что на определенном этапе развития у человека возникла потребность фиксировать результаты своей познавательной деятельности и выражать их с помощью определенной системы средств. Важнейшим итогом фило- и онтогенеза цивилизованного человека явилось возникновение языка как единственно всеобщего средства, отождествляющего его сознание с сознанием другого человека и взаимно его изменяющим [Мечковская, 2000, с. 9, Психология: Словарь, 1999, с. 207]. Язык представляет собой непосредственную деятельность сознания, мысли, и в то же время сознание формируется с помощью языка. Поэтому язык и сознание, обуславливая друг друга, образуют единое целое. В связи с этим закономерным является утверждение, что язык выполняет двуединую функцию: служит средством

общения и орудием мышления [Спиркин, 1998, с. 406]. Подчеркивая влияние языка на мышление, В.З. Панфилов выделяет следующие функции языка [Панфилов, 1977, с. 29]: язык обеспечивает существование специфически человеческого, т.е. абстрактного, обобщенного мышления и познания; в языке фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности.

Сознание и язык едины, поскольку сознание отражает действительность, а язык обозначает ее и выражает мысли. А.Г. Спиркин подчеркивает, что сознание и язык «предполагают друг друга, как внутреннее, логически оформленное идеальное содержание предполагает свою внешнюю материальную форму» [Спиркин, 1998, с. 409]. Таким образом, язык является уникальной знаковой системой, обеспечивающей переход от чувственного познания к рациональному. Объектом когнитивных исследований является человек, который рассматривается в качестве системы переработки информации [Schwarz, 1992, Wessels, 1994; Демьянков, 1994]. Данное положение является одним из основополагающих в когнитологии. В настоящее время зарубежными лингвистами выделяются следующие базовые положения когнитивной лингвистики: основополагающей для когнитивной лингвистики является парадигма систем переработки информации. (Любой человек, является естественной, возникшей в ходе эволюции системой символов); когнитивная лингвистика является наукой о языке, исследуя коммуникативное взаимодействие говорящего и слушающего. Объектом данной науки являются условия и качества процессов производства и восприятия речи [Habel, Kanngießer, Rickheit, 1996, S.16-21].

Когнитивная лингвистика предполагает исследование нейро(био)логических коррелятов процессов переработки языка. Данные процессы протекают в биологических системах, точнее в мозгу человека. Поскольку когнитивные системы – живые системы, «жизнь как процесс представляет собой процесс познания» [Мутарана, 1996, с. 103].

Познавательные способности человека обусловлены его биологической целостностью.

Как междисциплинарная область знаний когнитивная лингвистика использует широкий спектр методов исследования. Языковая деятельность индивидов осуществляется в рамках определенной ситуации, факторы которой обуславливают взаимодействие коммуникантов. Задачей когнитивной лингвистики является объяснение и описание данных факторов. В спектр исследования должны быть включены системы экстралингвистических знаний, который обуславливают и структурируют коммуникативную деятельность. Как указывает Н.М. Володина, перспектива когнитивных исследований заключается в переходе от преобладающего ранее дескриптивного метода анализа языка к формированию объясняющих методов теоретических исследований [Володина, 1994, с. 10].

Язык представляет собой, таким образом, ментальный феномен. Объектом когнитивной лингвистики является языковое знание или ментальная структура, которая определяет языковое поведение, т.е. порождение и понимание вербальных высказываний. В.З. Демьянков подчеркивает, что способ репрезентации знаний согласуется с социокультурным опытом человека – носителя языка [Демьянков, 1994, с. 25]. С возникновением когнитологии, синтезирующей в себе дисциплины, которые занимаются изучением ментальных процессов, связано выделение когнитивного подхода к языку, согласно которому языковая форма является отражением таких когнитивных структур, как человеческое сознание, мышление и познание [Кибрик, 1994, с.126].

Одной из основных задач для лингвиста, изучающего язык с когнитивных позиций, является исследование того, «как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание» [Кубрякова, 1994, с. 37], в результате чего можно

утверждать, что язык представляет собой косвенный путь изучения познания, через исследование языка возникает доступ к когнитивному миру человека.

Познавая окружающий мир, человек приобретает и обобщает определенный опыт, основу которого составляют знания. Данная ментальная информация находится в центре исследовательских интересов когнитивных наук. Когнитивная лингвистика, выявляя язык как когнитивно-процессуальное явление исследует то, как эта информация репрезентируется в языке познающего субъекта, перерабатывается им и передается партнеру по коммуникации. Исходя из этого язык определяется как общий когнитивный механизм. Как подчеркивает В.З.Демьянков, когнитивист изучает процесс ментальной репрезентации языкового знания и «как это знание когнитивно перерабатывается» [Демьянков, 1994, с.22].

Вследствие этого можно утверждать, что данные ментальные процессы репрезентируются в языковой форме. Характерной чертой современных лингвистических исследований является когнитивно-дискурсивная парадигма, позволяющая осуществить комплексный подход к анализу взаимодействия языковых закономерностей и экстралингвистических факторов объективной действительности.

1.2. Целенаправленность как основа человеческой деятельности

Понятие деятельности изначально связано с переходом жизни человека в обществе и, следовательно, имеет общественно-историческую природу. Создавая предметы материальной и духовной культуры, накапливая жизненный опыт и передавая его другим поколениям, человек, как субъект мышления, осуществляет познавательную деятельность в отношении окружающей его объективной действительности. Наиболее известные исследования теоретических представлений о деятельности связаны с именем выдающегося отечественного психолога А.Н. Леонтьева. Понятие деятельности, по А.Н. Леонтьеву, трактуется следующим образом. В его основе лежит понятие действия, то есть процесса, предмет и мотив которого

не совпадают между собой. Оба они – мотив и предмет – должны быть отображены в психике субъекта: иначе действие лишается для него своего смысла. Основными составляющими любой человеческой деятельности являются действия [Леонтьев, 1975, с. 102-103]. Деятельность каждого человека социально обусловлена, поскольку его мышление не может существовать вне общества, и в то же время зависит от того, «как она складывается в неповторимых индивидуальных обстоятельствах» [там же: 83].

Важнейшая особенность концепции А. Н. Леонтьева состоит в том, что в ней структура деятельности и структура сознания есть явления взаимопереходящие, которые связаны друг с другом в рамках одной целостной системы. Важнейшими характеристиками любой человеческой деятельности являются структурность и целенаправленность [Леонтьев, 1969; Никифоров, 1990]. Вопрос о целеобразовании в деятельности является достаточно сложным и неоднозначным. Цель является одним из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств» [Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 763]. А.Н. Леонтьев подчеркивает зависимость от мотива деятельности лишь зоны объективно адекватных целей, в то время как субъективное выделение цели, «осознание ближайшего результата, достижение которого осуществляет данную деятельность, способную удовлетворить потребность, опредмеченную в ее мотиве» является почти не изученным [Леонтьев, 1975, с. 103-104].

А.Л. Никифоров не отождествляет цель и ее результат, поскольку считает, что они находятся в разных плоскостях. Поэтому определяет деятельность не как целесообразную, а как целенаправленную, так как «она всегда направлена на достижение некоторой цели, хотя далеко не всегда к ней приводит» [Никифоров, 1990, с. 56]. Тем самым он выдвигает на первый план не операционный, а интенциональный аспект деятельности. А.Н.

Леонтьев напротив подчеркивает важность операционного аспекта (т.е. как, каким способом может быть достигнута цель), который детерминируется не самой целью, а объективно-предметными условиями ее достижения [Леонтьев, 1975, с.107].

Таким образом, одной из главных характеристик деятельности человека является ее интенциональное полагание, целенаправленность.

1.3. Понятийная категория цели

В процессе познания окружающей действительности человек приобретает определенные знания, в результате чего в его сознании формируются понятия о предметах и явлениях, процессах и состояниях, их взаимоотношениях. Одной из познавательных форм мышления человека, позволяющей обобщать данный опыт и осуществлять его классификацию, является категория [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 45]. С возникновением и развитием когнитивного подхода, о котором уже шла речь выше, связано изменение взглядов на сущность процесса категоризации. Так как согласно данному подходу, содержание когнитивных структур (сознание, мышление, познание) находит свое отражение в языке, то представляется логичным сделать вывод о том, что и понятия, лежащие в основе категорий, также могут быть выражены с помощью языковых средств. Таким образом, категоризация как вид когнитивной деятельности, призвана ответить на вопрос о том, на основании чего познающий субъект классифицирует явления и распределяет их в определенные классы, разряды, категории.

Как подчеркивалось выше, целенаправленность является кардинальной характеристикой человеческого сознания, так как в процессе познавательной деятельности человек стремится к достижению определенного результата. Данная установка как характерный признак человеческой деятельности находит свое отражение в понятийной категории цели, которая может быть выражена с помощью определенной системы языковых средств и «цель

является объективной по своему содержанию универсальной категорией, которая отражает характерную черту, свойственную исключительно человеческой деятельности» [Власова, 1998, с. 242]. Категории, формирующиеся в сознании мыслящего субъекта в результате познания им окружающего мира, были названы О. Есперсеном понятийными [Есперсен, 2002, с. 58]. Изучению понятийных категорий в отечественной лингвистике были посвящены труды И.И. Мещанинова, С.Д. Кацнельсона, В.Н.Ярцевой, М.М. Гухман и других исследователей языка. Такие категории также называют философскими или логическими (в рациональных грамматиках 17-19 вв.), психологическими (в работах Г. Пауля), когнитивными, концептуальными, мыслительными, речемыслительными и т. д. Согласно концепции Н.А. Кобриной, понятийные категории шире языковых, поскольку содержание сознания, понятийная основа всего того, что может быть высказано, шире языковой материи [Кобрина, 1989, с. 45]. Как правило, понятийные категории рассматриваются как универсальные, свойственные практически всем языкам мира. Они означают смысловые компоненты общего характера, свойственные обширным классам слов и выражаемые в языке разнообразными средствами. Понятийные категории рассматриваются безотносительно к какому-то конкретному способу выражения [Языкознание, 1998, с. 385]. Поскольку существуют самые разные критерии классификации понятийных категорий, представляется довольно сложным подвергнуть объективному и подробному анализу диапазон их проявления. Тем не менее, Н.А. Кобрина выделила основные типы понятийных категорий [Кобрина, 1989, с. 43-45]: категории, которые совпадают с понятиями в философии и получают отражение в семантике или лексических группировках слов, либо в классах частей речи (предметность, атрибутивность, предикативность и т. д.); категории – параметры, признаки, характеристики, выраженные в таких категориях как вид, время, залог, наклонение, падеж, число, род и др.; релятивные или операционные категории, которые лежат в основе построения разных структур и коммуникативных типов предложения, и

таким образом осуществляют функцию выражения внутрисистемных отношений.

К последнему типу категорий, на наш взгляд, относится категория цели, которая в свою очередь существует неотрывно от познающего субъекта, и тем самым может быть охарактеризована как антропоцентрическая категория [Барбашов, 2000, с.126; Барбашов, 2002 с. 23; Барбашов, 2003 с.12].

Основополагающей для когнитивной лингвистики является парадигма систем переработки информации, а значит, человек, как познающий субъект и владеющий такой уникальной знаковой системой, как язык, изучается как система переработки информации. Язык обеспечивает переход от чувственного познания к рациональному и является единственно всеобщим средством, отождествляющим сознание одного человека с сознанием другого представителя определенного социума. В фокусе интересов когнитивной науки находятся механизмы, связанные с приобретением, хранением, переработкой и передачей знаний. Еще И.И.Мещанинов указывал на когнитивный характер понятийных категорий, определяя их как отражение в языке норм действующего сознания [Мещанинов, 1945]. Н.В. Габечава рассматривает понятийные категории как результат человеческого опыта, как способ закрепления конкретной информации об окружающем человека мире. С точки зрения этого ученого, понятийные категории представляют собой такие структуры знаний, которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций, и с помощью этих структур осуществляется связность текста на макро- и микроуровне [Габечава, 1998, с. 26]. Это лишний раз доказывает, что понятийная категория цели относится к разряду операционных категорий. На когнитивный характер понятийных категорий указывает также и тот факт, что мыслительное содержание понятийной категории включает два слоя информации [Языкознание, 1998, с. 385-386]: внешнеситуационный («денотативный», «референтный», «когнитивный») – охватывает отражаемый факт (событие) с его

предметными отношениями; данное внешнеситуационное содержание устроено как пропозиция, имеющая предикатно-аргументную структуру; прагматический («субъективный», «модальный», «иллокутивный», «коммуникативный») – отражает соотношенность отражаемого факта с данным речевым актом и его компонентами – участниками коммуникативного взаимодействия, временем и местом осуществления речевого акта.

Понятийная категория определяется Н.А. Кобриной как «мыслительный аппарат, необходимый для существования системы средств и правил их актуализации в структурах, и механизм, необходимый для осуществления конкретного высказывания» [Кобрина, 1989, с. 45]. Таким образом, цель представляет собой понятийную категорию, которая отражает такую характерную черту человеческой деятельности, как интенциональность, является базовой категорией в когнитивной структуре познающего субъекта, осуществляющего речемыслительную деятельность. Из всего вышесказанного можно заключить, что понятийные категории шире языковых, поскольку понятийная основа всего того, что может быть выражено в высказывании шире языковой материи. Понятийные категории отражают в языке нормы действующего сознания и носят общественный характер, и будучи представленными в сознании, обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Понятийная категория цели, являясь операционной с точки зрения функционирования в языке, относится к разряду категорий антропоцентрических, которые существуют неотрывно от познающего субъекта. Она представляет собой мыслительный аппарат, необходимый для осуществления конкретного высказывания и обеспечивает связность текста на микро - и макроуровне. На основе понятийной категории цели осуществляется речемыслительная деятельность познающего субъекта.

1.4. Языковая и концептуальная картины мира

Как субъект познания человек обладает определенной системой знаний, мнений и представлений в отношении окружающей его объективной действительности. Данная система определяется в различных областях научного знания как картина мира, образ мира, модель мира и т. п. Взаимодействуя с окружающим миром, человек создает в своем сознании сложную и многообразную модель этого мира, некую «картину свойств вещей в их отношениях друг к другу и к субъекту» [Шахнарович, Голод 1986, с. 54]. В современной лингвистике картина мира рассматривается в качестве исходного глобального образа, лежащего в основе мировидения человека, интегрирующего взгляды и представления индивида о мире, являясь результатом всей его духовной активности. Следовательно, картина мира выступает как субъективный образ объективного мира [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с.21].

Понятие концептуальной картины мира является одним из основных в когнитологии, использующей данный термин для обозначения мира, который создается в сознании человека в результате его познавательной деятельности.

В отечественной лингвистике вопрос о роли языка в построении концептуальной картины мира как совокупности представлений и знаний человека о мире наиболее полно был освящен в работах Р.И. Павилениса [Павиленис, 1983, 1986].

В концепции этого исследователя концептуальная картина, в качестве системы мнений и знаний о мире, отражает познавательный опыт человека как на доязыковом, так и на языковом уровне. Человек начинает познавать мир еще до знакомства с языком, благодаря каналам чувственного восприятия, получая в определенной степени истинную или ложную информацию об окружающем мире. «Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных

представлений человека о мире» [Павиленис, 1983, с.101]. Строительными элементами данной системы выступают концепты, которые, являясь своеобразными «квантами» хранения знания о мире, способствуют обработке субъективного опыта индивида как носителя концептуальной системы. Поскольку конструирование концептуальной системы происходит непрерывно, концепт может представлять собой совокупность других концептов и быть континуально связанным с остальными элементами системы. Можно предполагать, что концептуальная картина мира каждого индивида обладает достаточно сложной природой, данная система непостоянна, изменчива [Колшанский, 1975, с.177].

Несмотря на сложную природу концептуальной картины мира, в ней присутствуют константы, свойственные каждому индивиду, способствующие взаимопониманию людей. Основой взаимопонимания в процессе коммуникативной интеракции являются нормы, ценности, идеи, отражающие общность системы представлений членов в культуре определенного социума.

Процесс познания, протекающий при наличии субъекта и объекта познания, предполагает наличие промежуточного звена между этими категориями. Язык, обеспечивая переход от чувственного познания к рациональному, является уникальной знаковой системой, позволяющей фиксировать результаты этапов познания. Язык, как одна из репрезентированных в сознании семиотических систем общественно выработанных значений, не только является частью картины мира - на основе языка формируется языковая картина мира.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который одним из первых ученых обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, развил тем самым концепцию «духа» народа, воплощенного в языке [Гумбольдт, 1984].

Языковая картина мира предстает как совокупность знаний, представлений о мире, исторически сложившаяся в сознании определенного

социума и отраженная в его языке (в лексике, грамматике и т. д.) В.Г. Колшанский выделяет уровни, принципиально необходимые для понимания сущности языковой картины мира [Колшанский, 1990, с. 55]: уровень отображения в языке-мышлении закономерностей объективного мира, его структур и свойств; уровень, на котором производятся операции с этими структурами в целях построения той или иной теории.

Ю.Н Караулов определяет языковую картину мира как отраженную в специфических национальных языковых формах и семантике языковых выражений совокупность представлений о человеке и окружающем его мире. Центром языковой картины мира является человек как вершина мироздания [Караулов, 1999, с.156]. Языковое воплощение мира, воспринимаемого человеком, обусловлено различными факторами его познавательной деятельности в границах объективного мира. Противопоставляя данные картины мира, некоторые исследователи считают, что концептуальная картина мира шире языковой картины мира, поскольку создается различными типами мышления, включая невербальное [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 6; 142]. Таким образом, понятие картины мира является одним из базовых понятий, отражающих особенности бытия человека и его взаимоотношений с окружающей действительностью. Использование данного понятия подчеркивает деятельностный подход относительно понимания данного взаимодействия. КМ как исходный глобальный образ лежит в основе мировоззрения человека. Концептуальная картина мира представляет собой своеобразную призму, через которую человек познает окружающий мир и в соответствии с результатами этого познания строит свою дальнейшую деятельность, в том числе и языковую. Языковая картина мира является важной составной частью комплексной концептуальной модели мира в сознании индивида, как совокупности знаний и представлений о мире.

1.5. Интенциональность как феномен когнитивных исследований

История термина «интенция», обозначающего намерение, цель, насчитывает около тысячи лет. Это понятие активно использовалось в арабском аристотелизме (Ибн Сина), а затем в системе Фомы Аквинского и в последующей за ним схоластической традиции, различающей реальное и интенциональное (умственное) существование объекта [Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 218]. Необходимо отметить, что в рамках этих систем проводилось различие «первой» и «второй» интенций. Первая интенция представляет собой акт интеллекта, направленный на внешний объект, и сформированное таким образом понятие об определенной вещи. Вторая интенция предполагает акт интеллектуальной рефлексии, объектом которой выступает уже содержание самого мышления, т.е. абстрактные понятия, универсалии, логические законы.

Термин «интенциональность» характеризуется как первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру, смыслообразующее отношение сознания к предмету. В современную философию этот термин ввел австрийский философ Франц Brentano, для которого интенциональность представляет собой имманентную предметность и критерий различия психических и физических феноменов. Ключевым это понятие становится у Эдмунда Гуссерля, понимавшего интенциональность как акт придания смысла (значения) при постоянной возможности различия предмета и смысла [Современная западная философия, 1998, с.168-169]. Ф.Бrentano рассматривал интенциональность как характерную особенность феноменов психики, которая отличает последние от физических явлений, а его последователи А. Мейонг и Э. Гуссерль сделали данное понятие центральным в своих исследованиях, где четко обозначилась тенденция к онтологизации интенциональной структуры сознания. В настоящее время совокупность интенциональных состояний обозначается с помощью термина «интенциональность», который является одним из основных понятий феноменологии, и, представляя собой особенное свойство убеждений,

желаний и других психических процессов, выражает предметную направленность переживаний сознания.

Возрождение понятия интенциональности в конце XIX – начале XX вв. связано главным образом с исследованиями Ф. Brentano, рассматривающего интенциональность как характерную особенность феноменов психики, которая отличает последние от физических явлений. Считая восприятие и опыт единственным источником познания и, разграничивая внешнее и внутреннее восприятие, он придает особое значение внутреннему восприятию как обеспечивающему прямой доступ к психическим феноменам.

Сущностная характеристика психических феноменов заключается в интенциональном внутреннем существовании предмета, которое, в свою очередь, является отношением к содержанию, направленностью на объект, или имманентной предметностью [Brentano, 1973, S.24]. Таким образом, Ф. Brentano указывает на то, что переживание, мышление, представление в целом имеют содержание, а именно нечто «пережитое» «осмысленное» «представленное». Представление немислимо без содержания, а содержание не может реально существовать без акта представления. Реальный фундамент представления может существовать в форме объекта рефлексии, но реальным является лишь сам процесс представления, который поддается описанию, поскольку именно внутреннее восприятие играет главную роль в переживании этого процесса. Что касается объекта рефлексии, то, как подчеркивает Д.В. Винник «только благодаря интенциональности возможен феномен расщепления сознания в рефлексии. Само явление интенциональности можно успешно классифицировать согласно рефлексивному критерию. Именно в глубокой рефлексии проявляется феномен интенциональности во всей своей силе, он предстает не как простой эффект переключения внимания с одного фрагмента реальности на другой, но как никогда не прекращающийся акт первичной обращённости сознания к миру [Винник, 2003, с.12-13].

Анализируя данные положения можно полагать, что существенным вкладом Ф. Brentano в разработку понятия интенциональности является то, что он подчеркивает особую роль акта человеческого познания в интенциональных переживаниях. Более того, в отличие от средневековых философов, использовавших термин «intentio» для характеристики объекта, Ф. Brentano впервые применил понятие интенциональности для характеристики психических процессов, т.е. в чисто субъективном смысле. В фокусе исследований феноменологов, таким образом, находится не психический феномен как таковой, а «продуцирующая этот феномен его интенциональность как характеристика конкретной жизни субъекта, являющегося ее источником» [Суровцев, 1998, с 16].

В трудах Э. Гуссерля, который унаследовал понятие и ключевую идею интенциональности у Ф. Brentano, прослеживается более четкое разграничение акта переживания сознания и переживаемого в нем содержания. По сравнению с Ф. Brentano Э. Гуссерль более четко отличает акт переживания сознания от переживаемого в нем содержания. Полагаемый актами сознания интенциональный объект не является реальной составной частью этих актов, хотя и образует вместе с ними необходимую корреляцию. В отличие от Ф. Brentano, Э. Гуссерль не все переживания считает интенциональными и предлагает четко разделять в интенциональном переживании: имманентный сознанию интенциональный акт, ноэзу (способ данности предмета в сознании) и трансцендентный сознанию интенциональный предмет – ноэму.

По мнению некоторых зарубежных исследователей, важной заслугой Э. Гуссерля явилось то, что он заимствовал у Ф. Brentano, в сущности, только слово и понятие «интенциональность», но основываясь на понятии «интенциональное отношение», разработанном Ф. Brentano, сумел продвинуться далее, а именно, в сферу интенционального сознания, о котором Ф. Brentano не упоминал [Ландгребе, 2002, с. 36].

По описанию Э. Гуссерля, даже если воспринимающему субъекту не все аспекты воспринимаемого объекта даны в чувственности, такой объект непременно тотчас и полностью интендируется во всяком его сознательном опыте. Интенциональный предмет может быть представлен в сознании множеством интенциональных содержаний, но актуально только одним, которое указывает на то, что имеет в виду субъект данного сознания [Черняк, 1998, с.14]. Такое многообразие представленности предмета в сознании основывается не только на различии интенциональных модусов, но и на том, что предмет всегда содержательнее, чем любое его представление. Интенциональный акт представляет собой способ предметной данности сознанию. По Э. Гуссерлю, мышление «следует разумным мотивам, какие предоставляют ему взаимосвязи опыта, и которые принуждены осуществлять известные способы постижения, известные интенциональные конструкции, какие требуются разумом, – осуществлять их для теоретического определения постигаемых в опыте чувственных вещей» [Гуссерль, 1996, с.25].

Таким образом, интенциональное отношение мыслей и переживаний к предметам характеризуется, прежде всего, тем, что данные предметы в определенной степени присущи мыслям и переживаниям, в результате чего интенциональность рассматривается как имманентная сущность сознания. Сознание, вслед за А. Г. Спиркиным, понимается нами как высшая, свойственная только людям и связанная с речью функция мозга человека, заключающаяся в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека [Спиркин, 1998, с. 383].

Очевидной заслугой Э. Гуссерля является предпринятое им доказательство того, что языковые знаки связаны с работой мышления, с психическим переживанием. Он четко различает интенцию как коммуникативное намерение и интенцию придания значения

(*Bedeutungsintention*), благодаря которой данный предмет связан с языковым выражением того, что он означает. Таким образом, интенциональность является основой того, что посредством интенционального акта субъект высказывания придает предмету определенное значение. Как считает Г. Ланц, предмет, который трансцендентен акту, и реально не содержится в нем, выступает в качестве интенционального объекта возможных предикаций. Предмет не «схватывается» актом, не переживается или осознается им: он лишь полагается, на него направлена наша интенция; это интенциональное отношение представляет собой отличающийся от всех других вид отношений, и его характер известен нам из наших переживаний [Ланц, 1997, с. 44].

Являясь существенной характеристикой психики, интенциональность представляет собой связь с содержанием или предметом, который также называют интенциональным объектом. М.Хайдеггер не принимает феноменологию Э. Гуссерля в ее трансцендентальной и идеалистической форме. Он развивает свое собственное понимание феноменологии исходя из учения о бытии [Хайдеггер, 1997]. Цель Бытия и Времени, по М. Хайдеггеру, заключается в описании того, как человеческое бытие имеет дело со смыслами своего собственного бытия. Интенциональная жизнь конституирования, образования значений и смыслов связана с практической жизнью, с каждодневным бытием в этом мире. Для человеческого бытия мир является, прежде всего, сферой практических действий в осуществлении человеческих проектов. Социальный мир, бытие с другими также представляет практический мир, в котором люди отождествляются со своими социальными ролями. Представляется возможным подчеркнуть здесь, что во взглядах М. Хайдеггера прослеживается важная взаимосвязь интенциональности как характеристики интенциональных состояний и социальной практики в рамках жизнедеятельности индивида.

Итак, интенциональность можно определить, как совокупность интенциональных состояний сознания, которые могут быть направлены на

предметы объективной действительности. В то же время интенциональность является имманентной сущностью сознания, так как интенциональное отношение мыслей и переживаний к предметам характеризуется тем, что данные предметы в определенной степени присущи этим переживаниям. Существует возможность вербализации интенциональных состояний посредством языка, при этом коммуникативные действия могут выступать в качестве интенциональных актов.

1.6. Интенциональный концепт в медиа-коммуникации

Концепты как строительные элементы концептуальной системы позволяют хранить знания о мире, приобретаемые человеком в результате отражения им окружающего мира, способствуют тем самым обработке субъективного человеческого опыта. Процесс выделения и исследования концептов как когнитивных категорий представляет значительный интерес для современных исследований и носит многоаспектный характер. Проблематичным является вопрос об установлении полного набора универсальных концептов в сознании носителей всех языков мира, а также оптимальных средств для вербального выражения данных концептов. Вследствие этого, по мнению А.Д. Васильева, методы и процедуры вычленения концептов являются в значительной степени индивидуально – авторскими и носят в большинстве случаев гипотетический характер [Васильев, 1998, с. 34]. Нам представляется весьма перспективным выделение в сознании познающего субъекта и участника коммуникации иерархического концепта интенций, который вполне можно отнести к разряду универсальных. Итак, чтобы успешно осуществить намеченный речевой акт, говорящий должен учитывать следующие факторы [Nuyts, 1997, S.55]. интенцию (Intention), по отношению к партнеру, которую он намерен осуществить посредством коммуникативного действия; положение дел (Sachverhalt) – исходный контекст, который меняется в процессе коммуникации; конвенциональные установления (Konventionen) – знание о

социальной роли коммуниканта, о нормах и правилах поведения в данном социуме; признаки социального контекста (Setting) – обстановка речи, фрагмент действительности. Несмотря на четкую дифференциацию данных факторов, Я. Ньютс ограничивается лишь их общими трактовками. Т.А. ван Дейк, напротив, подвергает подробному анализу данные факторы, рассматривая их как существенные составляющие прагматического контекста, необходимого для понимания высказывания [Дейк, Т.А. ван, 1989, с.21-24].

Нам представляется целесообразным выделение комплексного иерархического концепта интенций и изучение его функционирования в диалогическом дискурсе [Барбашов, 2001, с.210]. Концептуальная информация является результатом познавательной деятельности, поскольку при осмыслении поступающей к нему информации у человека формируются концепты, которые в свою очередь являются элементами концептуальной системы. Итак, в процессе социализации (при усвоении социального опыта, т.е. благодаря воспитанию и обучению – т.е. благодаря приобретенной системе знаний через язык) человек получает знания о том, какие правила и законы действуют в данном обществе, какие нравственные нормы и ценности определяют поведение людей в данном социуме и, соответственно являются приемлемыми. Здесь речь идет о конвенциональных установлениях. Следовательно, общая или социальная интенция коммуниканта будет заключаться в том, чтобы следовать данным нормам правилам. На наш взгляд, данная интенция занимает первый (высший) уровень, поскольку всегда присутствует в сознании человека, и в определенном смысле является необходимым условием и причиной возникновения других интенций. Не имея представления о том, в каком социуме он осуществляет свою деятельность, человек не знает, как он должен себя вести в определенных ситуациях, и какие высказывания он может осуществлять, так как не уверен, будут ли адекватно поняты его намерения, цели. Несмотря на четкую экспликацию намерения говорящего и акта референции, слушающий не

распознает его интенцию, так как в концептуальной системе говорящего отсутствует данная интенция. Рангом ниже можно рассматривать ситуационную интенцию, которая направлена на то, чтобы коммуниканты остались в рамках определенной обстановки речи, фрагмента действительности. Коммуникативные интенции направлены в основном на передачу определенного содержания и варьируются в зависимости от динамики контекста в процессе коммуникативного взаимодействия. Данная точка зрения, на наш взгляд, соответствует подчёркнутому Н. А. Алмаевым положению Гуссерля о том, что какая – либо интенция может направляться на другую интенцию, последняя на третью и т. д., образуя интенциональные структуры переживаний [Алмаев, 1998, с. 71]. Вышеуказанные уровни могут быть разграничены лишь в научном описании, они все являются взаимосвязанными и взаимообуславливают друг друга.

Таким образом, процесс оформления общей интенции в сознании коммуниканта представляет собой мыслительный акт, предшествующий собственно вербальной деятельности. Наличие данной интенции в определенном смысле является необходимым условием и причиной возникновения других интенций. Общая (социальная) интенция выполняет функцию контактоустанавливающей. Взаимопонимание говорящего и слушающего в значительной мере обусловлено наличием всех элементов данного концепта интенций в концептуальной системе (в сознании) каждого из них, и правильной интерпретацией данных интенций на всех уровнях. Иерархический концепт интенций, как важная ментальная составляющая, играет важную роль в интерпретации прагматического контекста коммуникативных действий говорящего и слушающего.

1.7. Лингвистическая парадигма функционирования интенциональности

На наш взгляд, существенной заслугой Э. Гуссерля и его последователей явилось обозначенное ими взаимодействие интенциональных структур сознания и структуры языка. Важным обстоятельством для

дальнейшего изучения интенциональности в лингвистике явилось положение в учении Э. Гуссерля, согласно которому предметы, присущие мыслям и переживаниям, как некоторое понятийное образование, находят свое отражение в языке [Habermas, 1984, с. 311]. При рассмотрении интенциональности как основополагающей структуры сознания, зарубежными исследователями подчеркивается важность того обстоятельства, что любое суждение, любое познание формируется как высказывание [Прехтль, 1999, с. 19]. Интенциональность является одной из важных характеристик человека. Именно в силу присущей ему интенциональности человек может осуществлять действия, в том числе, и коммуникативные [Фоллесдаль, 1986, с.141]. Таким образом, можно заключить, что интенциональность является кардинальной характеристикой человека как познающего субъекта и носителя языка.

В лингвистику понятие интенционального состояния проникло через логико-философские теории речевых актов, прежде всего благодаря исследованиям Дж. Серля, обозначающего все многообразие форм направленности интенциональных состояний как субъективных состояний сознания на объекты и положение дел в мире, с помощью термина «интенциональность». Согласно Дж. Серлю, интенциональность — это то свойство определенных ментальных состояний, в силу которого они направлены на объекты и положения дел в мире или в силу которого они есть суть об этих объектах и положениях дел [Серл, 2002, с.186].

Анализ понятия интенциональности у Дж. Серля основан на убеждении, что важнейшая функция интенциональности заключается в детерминации действий человеческой деятельности. В качестве действий могут выступать высказывания, то есть коммуникативные действия. Однако, в отличие от таких понятий теории речевых актов, как перформативность или иллокутивная сила (функция), понятие интенциональности, обозначающей совокупность или Сеть (по Серлю) интенциональных состояний, не получило общепринятого лингвистического толкования его содержания, соотносимого

с его широким философским пониманием. Кроме того, в первых переведенных на русский язык работах по теории речевых актов в связи с понятием иллокутивной силы рассматривались волитивные интенции, очень близкие к интенции намерения, что в ряде случаев дало основание для перевода философского термина интенция словом обыденного языка «намерение». В частности, В.Г. Колшанский особо подчеркивает, что интенция говорящего должна рассматриваться не как интенция познающего субъекта в философско-психологическом плане, а как интенция конкретного высказывания в очень узких рамках. Поэтому теория интенции, разрабатывавшаяся в философии, особенно в ее ветви – феноменологии, не должна входить в сферу лингвистического исследования [Колшанский, 1975, с.154]. Здесь представляется необходимым подчеркнуть, что при правильном употреблении данного термина намерение должно рассматриваться лишь как частный случай интенции. По мнению Ю. Хабермаса к интенциям относятся не только намерения, желания, надежды, но и даже чувства: любовь, ненависть, ярость, склонность и т. п. [Habermas, 1984, с. 311]. Согласно взглядам, Дж. Серля интенциональность не является лингвистической сущностью, поскольку язык произведен от интенциональности, а не наоборот. Такая точка зрения побуждает перейти от рассмотрения сознания к его опредмечиванию в языке. Нам представляется необходимым разграничивать первичную интенциональность сознания от вторичной интенциональности языка, поскольку язык служит для экстерииоризации и передачи первичных интенциональных состояний субъекта высказывания.

Так, например, В. А. Ладов указывает на актуальность различения первичной и производной (деривативной) интенциональностей. Благодаря актам первичной интенциональности сознание способно, еще до обращения к материальным носителям (речи или письму), концентрироваться на внутренних интенциональных содержаниях, как нередуцируемых ни к чему другому фактах автономной психической жизни. Интенциональность же языка, напротив производна, и возникает при намеренном наделении

изначально пустых знаков значением, посредством замещения внутреннего интенционального содержания пропозициональным содержанием синтаксически организованных структур [Ладов, 2003, с. 18].

Необходимо отметить, что в отечественной лингвистике термин «интенция» часто употребляется не в том широком смысле, которым он обладает в философии, а в узком смысле коммуникативного намерения. Одной из причин такого толкования термина явилась присущая английскому слову «intention» омонимия между специальным значением «интенция» и обыденным значением «намерение». С точки зрения гносеологии интенция трактуется как направленность сознания на какой-то предмет, который в то же время является имманентной сущностью данной ментальной структуры. Традиционно термин «интенция» достаточно часто определяется как намерение, цель [Современный словарь иностранных слов, 1993, с.241]. Вследствие этого понятия «интенция» и «намерение» нередко отождествляются.

Следует особо подчеркнуть, что отождествление таких понятий как «интенция», «интенциональность» и «намерение» в значительной степени затрудняет более детальный и крайне необходимый анализ собственно понятия интенциональности, обозначающего совокупность интенциональных состояний человеческого сознания. Как показали исследования ученых, интенциональность является более широким и комплексным понятием, чем просто намеренные действия [Malle, Knobe, 1997, p. 115]. На интенциональный характер поведения человека указывают и отечественные ученые, в частности К. А. Переверзев отмечает: «Человеческое поведение интенционально. Интенциональность речевых поступков проявляется в речевых предпочтениях, выборе из «мира альтернатив» [Переверзев, 1998, с.29].

Таким образом, понятие интенциональности в философии духа не имеет ничего общего с обыденным, традиционным понятием «интенция». Когда философы говорят об интенциональности человеческого духа, то они

ссылаются не на то обстоятельство, что мы являемся существами, которые преследуют намерения, а на тот факт, что многие наши ментальные состояния направлены на что-либо. Как справедливо замечает в этой связи Г. Х. Вригт, необходимо отличать интенциональное действие от намерения, что-то сделать. Он пишет: «Все, что мы намереваемся сделать, и действительно делаем, мы делаем интенционально. Но нельзя сказать, что все действия, имеющие интенциональный характер, мы намереваемся совершить [Вригт, 1986, с.122].

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что интенциональность как совокупность интенциональных состояний является конституирующим признаком человеческого сознания. Интенциональность выражает предметную направленность переживаний сознания, его соотнесенность с предметами опыта. Эта соотнесенность сознания и предмета понимается как смыслообразующая. Речь об интенциональном действии идет только тогда, когда интенция осуществляется с соответствующим навыком и сознанием действий, что в свою очередь может свидетельствовать о социальной природе феномена интенциональности.

1.8. Социальная детерминированность интенциональности в СМИ

Понимание различных медиа-текстов во многом зависит от умения определить их интенциональную характеристику. Начальным этапом порождения речи является мотив, который выводится из определенной потребности, вследствие чего формируется цель (оказать определенное воздействие на адресата), которая может быть достигнута с помощью определенных средств, используемых автором в медиа-дискурсе.

Как отмечает Т.В. Чернышова, «любая языковая личность, вступающая в сферу современной массовой коммуникации, реализует социальные и социолингвистические характеристики той языковой общности (коллектива), к которой она относится и языковое сознание которой она отражает. Очевидно, что с этой стороны адресат СМИ выступает как коллективная

языковая личность (по В.В. Виноградову) (т.е. общественная, отражающая общественное и языковое сознание и той общности, к которой она себя причисляет) [Чернышова, 2013, с. 111]. Природа социальной информации представляет собой «отображение различных фрагментов объективной и субъективной реальности. Его характерные черты – автономность, относительная независимость от индивидов. Такое отображение существует в обществе в двух основных видах. Определенная часть информации (и чем дальше в глубь истории, тем более существенная) передается от поколения к поколению внутри коллектива (или группы, или общества в целом) через орудия, средства, и продукты труда в виде навыков, традиций, ритуалов и т. д. Этот «блок» социальной информации часто не осознается индивидом в адекватной форме, но оказывает влияние на его мировоззрение и деятельность. Другая часть социальной информации – отражение, зафиксированное с помощью знаковых систем (модельно – изобразительных и вербально – дискурсивных) сформировавшихся в процессе развития общества и функционирующих в качестве средств коммуникации. Целенаправленное использование такой информации предполагает осознание ее содержания (хотя степень осознания может быть различной). Эта часть информации непрерывно возрастает в ходе исторического процесса и оказывает все большее воздействие на все стороны жизнедеятельности общества. Порождение, передача, хранение, использование такой информации пронизывают все социальные отношения и структуры [Колеватов, 1984, с.22-23].

Интенциональность, как основополагающая структура сознания, включает многообразие форм, в которых сознание может быть направлено на объекты или положение дел в мире. Некоторые ученые трактуют интенциональность как свойство сознания, благодаря которому его состояния характеризуются как имеющие содержание, заключающее в себе информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающее определенный вид установки по отношению к этому содержанию.

Содержание, которое определяется внеязыковым фактом, составляет семантическую основу предложения, отражающую фрагмент объективной действительности. Семантическая структура предложения представляет собой пропозицию, которая воплощает ситуацию объективной действительности на логико-семантическом уровне.

Таким образом, предложение имеет пропозициональный компонент, включающий информацию о некотором положении дел в мире, и интенциональный компонент, несущий информацию об интенциональных состояниях автора отдельного высказывания или целого текста. Интенциональные состояния лежат в основе тех языковых явлений, которые характеризуются в терминах модуса, субъективной и объективной модальности и др. Важной частью высказывания, которая дополняет его пропозициональное содержание, является интенциональный комплекс, включающий информацию обо всех интенциональных состояниях сознания адресанта, эксплицитно или имплицитно закодированных в его языковой структуре.

Тенденция к рассмотрению интенциональности в качестве центрального базового понятия в теории человеческой деятельности имеет место в некоторых областях лингвистических исследований, особенно в рамках когнитивного направления, а также в лингвистической философии. Некоторые ученые выступают против централизации понятия интенциональности в языковом поведении субъекта. Свою позицию они подкрепляют примерами, которые в определенной степени могут поставить под сомнение очевидность того факта, что интенциональность является неотъемлемым компонентом речевого поведения человека, носителя языка как представителя определенного социума [Duranti, 1988; Bois J.Du.,1987].

Этот «блок» социальной информации часто не осознается индивидом в адекватной форме, но оказывает влияние на его мировоззрение и деятельность [Колеватов, 1984, с.22-23]. Таким образом, понятия «личность» и «интенциональность» онтологически предполагают друг друга, притом, что

не являются идентичными. Данная точка зрения представляется адекватной существующему положению вещей, так как интенциональность является одной из главных характеристик личности. Только человек как личность, как познающий субъект и носитель языка, способен осуществлять в рамках определенной культуры интенциональные действия, в том числе и коммуникативные. Значительный научный интерес в этой связи представляет концепция Р. Шведера об интенциональных мирах. Он пишет: «Интенциональные миры – это человеческие артефактные миры. Интенциональные события, отношения, вещи существуют только в интенциональном мире. Любая вещь не существует вне нашего вовлечения и нашей реакции на нее. Интенциональные вещи причинно активны, но только в результате наших ментальных представлений о них. Они не имеют «природной» реальности или идентичности отдельно от человеческого понимания и деятельности. Интенциональный мир не существует отдельно от интенциональных состояний (верований, желаний, эмоций), воздействует на них и сам находится под их воздействием, воздействием людей, которые живут в этом мире» [Shweder, 1991, P.48-49]. Социальный смысл интенциональности проявляется в социально-исторической детерминации духовно-культурной деятельности социальных субъектов, в социальной практике и поведении социальных актеров [Бондаренко, 2010, с.8].

Можно заключить, что интенциональность играет важную роль в соотношении категорий индивидуального и социального. Поскольку намерение представляет собой лишь частный случай проявления интенции, необходимо отличать интенцию от коммуникативной интенции конкретного высказывания в очень узких рамках. В представленном исследовании рассматривается понятие интенции, которая соотносится с выражением различных интенциональных состояний сознания, и, соответственно, охватывает более широкий круг явлений, чем просто выражение намерения. Наличие интенциональных состояний в сознании человека, а также его способность к вербализации этих состояний с помощью языковых средств в

процессе его жизнедеятельности, прежде всего, обусловлено его онто – и филогенезом в рамках определенного социума как языковой общности. Этот факт и объясняет социальную природу интенциональных состояний.

1.9. «Внутренняя форма» как квинтэссенция интенционального состояния

Изучая проблему отношения между интенциональными состояниями и теми объектами, и положениями дел, на которые они направлены, Дж.Серл приходит к выводу, что интенциональное состояние состоит из репрезентативного содержания в определенном психологическом модусе (убеждение, страх, намерение, желание и т. п.) [Серл, 2002]. При этом становится возможным выделить в структуре интенционального состояния определенную интенциональную установку, включающую интенциональные состояния, и пропозициональное содержание, отражающее положение дел в объективной действительности, на которое направлены эти интенциональные состояния. Согласно научной концепции швейцарского лингвиста Михаэля Эсфельда, личность только тогда находится в интенциональных состояниях, когда она принимает участие в социальных практиках: «Если разрабатывать теорию, которая понимает понятийное содержание наших убеждений, исходя из социальных практик, то мы имеем дело с теорией, где существуют интенциональные состояния. Интенциональными являются те состояния личности, которые имеют понятийное, т. е. пропозициональное содержание» [Esfeld, 2004, S.147]. В современной философии духа и прагматической теории значения актуальным является следующий вопрос о том, какое место занимает идея о том, что участие в социальных практиках является необходимым и достаточным условием для интенциональных состояний.

Понятие «пропозиция», играющее важную роль в соотношении единиц информации, широко используется в различных научных направлениях, в каждом из которых оно получает собственное определение и интерпретацию. Пропозиция понимается как часть семантики, отражающая положение дел в объективной действительности, и, тем самым, являющаяся основой

формирования предложения. Как подчеркивает С.Д. Кацнельсон, отбор языковых элементов главнейшим образом предопределен содержанием пропозиции, ее местом в сообщении и общей ситуации речи. Предложение формируется не путем соединения разрозненных слов и морфем, а на основе пропозиции. Под пропозицией он понимает реляционный предикат (некий элемент мысли), «места» которого заполнены конкретными обозначениями (образами), а развертывающийся в пропозициях мыслительный процесс и есть то, что психологи называют внутренней речью [Кацнельсон, 1984, с. 8]. Непосредственное отношение к пропозициональному содержанию как репрезентации положения дел имеет особый класс интенционального сознания – пропозициональное сознание, которое, по мнению представителя формальной семантики Э.Тугендхата, имплицитно соотносится с непропозициональным интенциональным сознанием, устанавливающим отношение к предмету [Tugendhat, 1976, S.98-99]. Интенциональность как основополагающая структура сознания включает в себя комплекс ментальных состояний, которые направлены на объекты и положения дел в мире, и могут быть обозначены как интенциональные состояния. Такая точка зрения вполне соответствует трактовке интенциональности как свойства сознания, благодаря которому его состояния характеризуются как имеющие содержание, заключающее в себе информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающее определенный вид установки по отношению к этому содержанию [Lyons, 1995]. Наличие данной установки создает необходимую предпосылку для существования интенциональных состояний только при наличии связи субъекта с объектом, т.е. интенциональность предполагает наличие мыслящего субъекта.

Итак, в структуре интенционального состояния можно выделить определенную интенциональную установку, включающую интенциональные состояния, и пропозициональное содержание, отражающее положение дел в объективной действительности, на которое направлены эти интенциональные состояния. Пропозициональное содержание, которое репрезентирует

определенное положение дел, представляет собой интенциональный объект, на который направлено интенциональное состояние личности. Интенциональность как феномен сознания является сущностью социальной, поскольку существование интенциональных состояний личности обусловлено её участием в социальной практике. Такое участие представляется возможным лишь в силу интенционального поведения личности, навыки которого он приобретает в процессе онто- и филогенеза в определенном социуме. Интенциональность играет релевантную роль в соотношении таких категорий как «индивидуальное» и «социальное», является кардинальной характеристикой субъекта познания и неотъемлемым

Как уже было указано выше, в настоящем исследовании используется междисциплинарный подход, который опирается, прежде всего, на один из основополагающих принципов – на принцип антропоцентризма, который активизирует интерес к личностным и социокультурным аспектам человека. Необходимо подчеркнуть, что становление антропоцентризма в качестве главного принципа современного языкознания явилось результатом исследований многих поколений отечественных и зарубежных исследователей и восходит к гумбольдтовскому пониманию языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1984, с. 304]. Антропоцентризм, наряду с экспансионизмом, функционализмом и экспланаторностью является одним из основных принципов современной лингвистической парадигмы научного знания [Кубрякова, 1995]. Понимание термина «парадигма научного знания» в данной работе связано с трудами американского ученого Т. Куна, который определяет данное понятие как общепризнанные научные достижения, дающие научному сообществу модель постановки проблем и их решений в течение определенного времени [Кун, 1977, с.11].

Будучи исторически первичным, антропоцентрический подход представлен в таких различных лингвистических традициях, как индийская, арабская, европейская и др. Как подчеркивает В.М. Алпатов, в центре

внимания исследователя при антропоцентрическом подходе находится другая проблема: какие свойства имеют те или иные единицы языка [Алпатов, 1993, с. 16]. Некоторые исследователи считают, что наиболее ярко принцип антропоцентризма проявляется именно в текстовых исследованиях [Попова, 2002, с.72-73]. Выделение принципа антропоцентризма в качестве одного из ведущих позволяет нам, опираясь на инструменталистскую теорию интенциональности Д. Деннета, рассматривать человека в рамках его деятельности как более сложную интенциональную систему, поведение которой можно объяснять и прогнозировать, исходя из интенциональной установки [Деннет, 2004]. Данная установка, как неотъемлемый элемент интенциональной системы, позволяет увидеть деятельностную природу других интенциональных систем, участвующих в построении дискурса.

Важнейшую роль в формировании парадигмы антропоцентризма в языкознании сыграли философско-антропологические идеи исследования В. фон Гумбольдта и его последователей (самым известным из которых является Лео Вайсгербер), труды которых были посвящены исследованию взаимодействия мышления человека как представителя определенной языковой общности и его языка.

Лингвистическая концепция Лео Вайсгербера, основанная на изучении содержательной стороны языка в его взаимодействии с мышлением (сознанием), вошла в историю языкознания как феноменальное явление немецкой германистики середины 20 века, поскольку он впервые попытался воплотить философские идеи В. фон Гумбольдта в современной концепции языка. Основные положения неогумбольтианского учения сводятся к следующему [Чесноков, 1977, с.11]: язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании; люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, создают различные картины мира, а потому являются носителями различной культуры и различного общественного поведения; язык не только

обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека; от различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления.

Вслед за В. Гумбольдтом, Л. Вайсгербер признает, что язык в любом его состоянии образует целостное мировоззрение, выражая все представления нации о мире, являющиеся результатом преобразования мира с помощью языка. Основная заслуга Л. Вайсгербера состоит в том, что он развил и углубил гумбольдтовское понимание языка, характера языка и его активной созидающей роли в формировании мировоззрения народа, носителя языка.

Согласно взглядам В. фон Гумбольдта, «язык должен воспринять двойную природу мира и человека, чтобы передавать их взаимное действие друг на друга, или же он должен, напротив, поглощать в своей собственной вновь созданной стихии сущность их обоих, реальность субъекта и объекта, сохраняя только их идеальную форму» [Гумбольдт, 1984, с. 305]. Л. Вайсгербер, являющийся последователем научных воззрений В. фон Гумбольдта, по-своему развивает мысль о посреднической функции языка в процессе познания и «духовного» преобразования мира человеком. Он вводит термин «промежуточный мир» для обозначения этой функции языка и выстраивает, таким образом, свою концептуальную трихотомию «мир – язык – человек» которая схематично отображает языковую сущность: связывать, соединять объективное и субъективное бытие в их взаимодействии и преобразовании друг друга.

В своих трудах В. фон Гумбольдт пишет о «внутренней форме языка», являющейся «абсолютно внутренней и чисто интеллектуальной частью, которая собственно и составляет язык, это есть применение, для которого язык использует звуковую форму» [Гумбольдт, 1984, с. 309], но ему так и не удалось дать четкое определение этого понятия. Несмотря на то, что проблема рассматривалась многими лингвистами, именно Л. Вайсгерберу принадлежит заслуга в том, что он сумел четко и ясно определить это

непростое понятие: «Мы понимаем под внутренней формой языка совокупность содержаний этого языка, то есть все, что из структурированного познания заложено в понятийном строе словаря и содержаний синтаксических форм языка» [Вайсгербер, 1993, с.102].

Таким образом, язык, являясь своеобразным миром между духом и предметами действительности, тем самым, представляет собой «промежуточный мир» народа – носителя языка. Согласно научным воззрениям В. Гумбольдта и Л. Вайсгербера, дух народа непосредственно связан через интеллектуальное начало (связь с интенциональными состояниями сознания) с мышлением человека и социальными и культурными особенностями языковой общности. Значительным продвижением вперед явилось употребление Л. Вайсгербером термина «языковая общность», вместо гумбольдтовских понятий «народ» и «нация». Л. Вайсгербер подчеркивает, что языковую общность и родной язык следует рассматривать в комплексе, поскольку языковая общность объединяет носителей определенного языка.

Труды Л. Вайсгербера свидетельствуют о том, что ученый неоднократно пытался дать определение социальной сущности языка. «Если рассматривать то, что язык передает своим носителям определенный способ мировидения как самую выдающуюся возможность, которой располагает язык, то, делая простые выводы из этого, мы можем получить более точное определение сущности языка, чем то, которое мы привлекали в свое время (язык = средство выражения сообщения общения и пр.) Я полагаю, что мы лучше всего постигнем язык как культурное достояние и его роль в жизни сообщества и конкретного человека, если рассмотрим его как форму общественного познания» [Вайсгербер, 1993, с. 103].

С энергетической точки зрения на язык как путь духовного преобразования реального мира «всякий язык представляется как процесс такого языкового воссоздания мира; возможности как языка в целом, так и его отдельных элементов (слов, структур предложения) следует определить

таким образом исходя из связи с этим основным процессом» [Вайсгербер, 1993, с.170]. Л. Вайсгербер подчеркивает необходимость изучения мира языковых содержаний, рассматривая их участие во взаимодействии человека и мира как позиций, с которых человек подходит к «вещам», и как форм, в которых эти вещи духовно представлены для человека. Как указывает О. А. Радченко, в концепции Вайсгербера языковые содержания не являются нечто естественно данным, а представляют собой нечто изученное вместе с языком как результат охватывающего тысячелетия опыта языковых предков [Радченко, 1993, с.109].

Родной язык, по Л. Вайсгерберу, являет собой основу существования всякого народного сообщества, и связывает современных носителей языка между собой и с будущими и прошлыми поколениями. Передача языка включает и формы, и специфические понятийные средства, поэтому, обретая язык, члены сообщества обретают и закрепленное в нем определенное представление о мире [Радченко, 1993, с. 111]. Научные воззрения В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера могут быть использованы и для исследования трансляции интенциональных состояний с помощью языка, точнее, языковых средств определенной нации. В. фон Гумбольдт постулирует, что различие между субъектом и объектом обусловлено, прежде всего, природой мышления, поскольку «сущность мышления заключается в рефлексии», то есть в различии между «мыслящим» и «мыслимым». Как справедливо подчеркивает Т. А. Фесенко, в контексте данных воззрений мысль являет собой «дискурсивную единицу», противопоставляемую по отношению к мыслящему субъекту в качестве «порожденного им» образования [Фесенко, 2003, с.16]. Таким образом, нам представляется важным отметить, что интенциональный акт, отражающий определенное интенциональное состояние, и вербализуемый с помощью конкретного языка одной нации, входит в разряд «дискурсивных сущностей».

Согласно взглядам В. фон Гумбольдта, только язык способен быть не только знаком объекта (предмета), но и приблизить этот предмет к человеку

в процессе интеллектуализации. Как указывает Т.А. Фесенко, под интеллектуализацией В. фон Гумбольдт понимает процесс «транспозиции объекта в мир возможностей», то есть его включение в сеть интенциональных связей, которая была бы невозможна без репрезентации объекта в «слове – знаке». Как считает этот исследователь, «семиотическое свойство» языка, по Гумбольдту, заключается в сетевой организации интенциональных связей, и каждый язык представляет собой «систему» со свойственной ей особой грамматической и лексической организацией [Фесенко, 2003, с.18]. Используя в качестве фундамента научные положения В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер создал свою теорию, согласно которой язык определенной нации представляет собой промежуточный мир между двумя остальными мирами: внешним миром и внутренним миром человека. Языковая общность как феномен через язык передает последующим поколениям определенный способ мировидения. Язык определяет мышление и развитие социума и дает возможность носителям данного языка действовать и изменять окружающий мир и отношения в обществе.

Таким образом, значения, зафиксированные в каждом конкретном языке, обладающим в свою очередь своей «внутренней формой», не только отражают опыт предшествующих поколений, но и, формируя сознание последующих, являются основой приписывания дополнительных значений предметам объективной действительности. «Внутренняя форма» языка, будучи представленной в единицах одного уникального языка нации, способствует тому, что эти единицы языка выступают в качестве смысловых знаков, благодаря которым могут быть выражены определенные интенциональные состояния, отражающие особенности сознания представителей языковой общности. Язык нации, как некий «промежуточный мир», который может быть обозначен как уникальный «интенциональный мир» нации, транслирует интенциональные состояния как своеобразные духовные содержания от поколения к поколению в рамках определенного социума.

1.10. Роль коммуникативных стратегий в медиа-текстах

В процессе коммуникативного взаимодействия говорящий и слушающий не просто воспринимают речевые акты в языковой форме, а интерпретируют высказывания друг друга в соответствии с некоторым общим фондом знаний и общепринятыми образцами поступков, действий. Известно, что по языковой форме не всегда можно понять, что подразумевается в высказывании, как воздействует коммуникативная функция. Определение воздействия коммуникативной функции, как считают, Н. Ленке, Г. Лутц и М. Шпренгер является задачей слушающего, так как он должен интерпретировать высказывание [Lenke, Lutz, Sprenger 1995, S. 27]. Коммуникативная функция высказывания всегда зависит от ситуации, имеющей место в данный момент времени. Понятие ситуации является комплексным и включает: участвующих персон (говорящего, слушающего, а также других персон, находящихся в поле восприятия коммуникантов); пространство восприятия; биографию участвующих персон; в узком смысле – установки персон

К установке персоны относится также ее оценка данной ситуации, которая по мнению участников коммуникации может быть абсолютно разной. В связи с этим у слушающего формируются гипотезы о намерениях говорящего, о том, как он оценивает данную ситуацию и какие цели преследует. [Демьянков, 1983, с. 59; ван Дейк, 1989, с. 20; Lenke, Lutz, Sprenger, 1995, S.28, Nuyts, 1997, S. 55]. Гипотезы трактуются как своеобразные предположения по отношению к партнеру по коммуникации: Какие цели он преследует, почему он говорит это именно мне? Почему он говорит это именно сейчас? Почему он говорит это именно так? Данные гипотезы содержат предположения о гипотезах другого партнера (гипотезы второй степени). Таким образом, высказывания мотивированы оценкой ситуации, интенцией и гипотезами о собеседнике.

В установлении вида соответствующего высказывания немаловажную роль играют также стратегии, которые имеют инструментальный характер и

с помощью которых можно попытаться достичь собственных интенций. Н.Ленке, Г. Лутц и М. Шпренгер понимают под этими стратегиями способы (модели) поведения.

Коммуникативная стратегия говорящего состоит в выборе коммуникативных намерений и распределении квантов информации по коммуникативным составляющим. Коммуникативная стратегия включает в себя: выбор глобального речевого намерения, например, намерения констатировать факт, задать вопрос, обратиться с просьбой; отбор тех компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям; определение того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему и т. д.; соотнесение квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии (так, активированное в сознании говорящего и входящее в его личную сферу – свое – с большей вероятностью станет не-конституирующим компонентом будущего предложения; определение порядка следования коммуникативных составляющих; настройку коммуникативной структуры высказывания на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный, режим озвучивания письменного текста, скажем прогноза погоды или сводки новостей), стиль (эпический, разговорный), и жанр (стихи, анекдот, лозунг, рекламный призыв, лекция) [Янко, 1999, с. 34].

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что интерпретация коммуникативной функции слушающим во многом зависит от того, как он оценивает ситуацию, от его взглядов на интенцию говорящего, и от тех целей, которые он преследует сам. Становится ясно, что функционирование высказывания без своей конкретной цели, не представляется возможным в дискурсе. В противном случае, если это вообще возможно, речевой акт лишен такой важной характеристики, как целенаправленность рая обнаруживает и обеспечивает «связь между говорящим и его высказыванием» [Звегинцев, 1996, с. 98]. Данный факт, бесспорно, указывает

на прагматическую сущность цели. Для осуществления целенаправленного речевого акта в процессе общения необходимо участие трех величин: содержания, понимания и знания. Данное положение В.А.Звегинцев объясняет следующим образом. Говорящий должен построить высказывание таким образом, чтобы содержание, которое он намерен сообщить слушающему, было понятно последнему. Такое понимание достигается благодаря общему фонду знаний коммуникантов. Значит говорящий знает, какими знаниями обладает слушающий и в соответствии с этим строит понятное для него высказывание с определенным содержанием.

Из вышесказанного следует, что такой важный процесс, как интерпретация, являясь целенаправленной когнитивной деятельностью, составляет основу дискурса. В. З. Демьянков определяет интенциональность как «намерения, не только более или менее адекватно распознаваемые, но и регулирующие ход интерпретации» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с.31]. Исходя из этого можно заключить, что интенция говорящего играет доминирующую роль в каузации определенных ограничений интерпретационных возможностей со стороны слушающего. Непосредственным индикатором определенной степени данной каузации и является перлокутивный акт. Целью и результатом интерпретации одновременно является понимание, которое не обязательно может быть связано с положительными коннотациями, как считают некоторые исследователи [Арутюнова, Падучева 1985: 24; Hartig, 1997, S.18-19], поскольку общение может быть изначально конфликтно-ориентированным, т.е. интенции одного или нескольких коммуникантов могут быть направлены на возникновение коммуникативного напряжения или коммуникативной неудачи, коммуниканты не стремятся к взаимопониманию, но так или иначе они распознают интенции друг друга и устанавливают их определенное значение.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ДИСКРЕДИТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

2.1. Проблема единицы анализа: критика теории речевых актов

Традиционно считается, что понятие «интенционального состояния» проникло в лингвистику благодаря лингвофилософским трудам Дж. Серла, который связал интенциональные состояния с речевыми актами. Исследуя природу взаимосвязи сознания и интенциональности, с одной стороны, и способностей, возможностей, позволяющих функционировать этим ментальным состояниям, с другой стороны, Дж. Серл выдвигает положение о невозможности автономного функционирования, отдельно взятого интенционального состояния вне сети других интенциональных состояний [Серл, 2002, с.167]. Дж. Серл явился одним из основателей теории речевых актов и последователем взглядов британского философа-аналитика Дж. Остина, который и заложил основы этой теории в лингвистике в его труде «Как совершать действия при помощи слов» (1962) [Остин, 1999].

Возникновение и огромное влияние данной теории на формирование целых отдельных направлений в современной лингвистике (например, прагматики) было обусловлено тем, что, начиная со второй половины 60-х годов 20 века, фокус исследовательских интересов лингвистов сместился на другую сторону диалектического единства язык – языковая система, а именно на речевую деятельность и дискурс, представляющий собой продукт этой деятельности в форме связного текста. Позднее данная теория получила свое развитие благодаря совместным усилиям философов, логиков, лингвистов и психологов. В настоящее время ученые рассматривают понятие «теория речевых актов» в широком смысле слова, как совокупность идей, направленных на изучение речевой деятельности, а также в узком смысле, как название одной конкретной логико-философской теории речевых актов, которая оказала огромное влияние на формирование прагматики в качестве особой области лингвистических исследований.

Несмотря на то, что Дж. Остин не дает точного определения речевому акту, главным достижением его теории, на наш взгляд, является положение, согласно которому человек с помощью говорения может осуществлять действия. Поэтому вполне закономерно последователь теории Дж. Остина, Дж. Серль считает основной единицей языкового сообщения «не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта» [Серль, 1999, с.211].

Определенный интерес представляет разработанная Дж. Остином градация, которая позволяет рассматривать речевой акт как своеобразное трехуровневое образование. Здесь предусмотрено условное разграничение речевого акта на локутивный акт (высказывание, включая элементы смысла и референции, соотносится с действительностью), иллокутивный акт (высказывание получает определенную иллокутивную функцию, указывающую на коммуникативную интенцию говорящего), и перлокутивный акт (высказывание, обладающее иллокутивной силой, вызывает определенные изменения в сознании или поведении адресата) [Остин, 1999, с.84]. Несмотря на ярко выраженную, четкую дифференциацию речевого акта, все эти три уровня объединяет то, что на каждом из них Дж. Остин исследует действие, которое говорящий совершает в речевом акте. Дж. Остин не дает точного определения понятия «речевой акт», но его ученик Дж. Серл идет дальше и указывает на то, что производство конкретного предложения в определенных условиях представляет собой иллокутивный акт, а иллокутивный акт и есть минимальная единица языкового общения [Серль, 1999, с. 210-211].

Поскольку перлокутивный акт находится вне границ речевого акта как такового, следует подчеркнуть, что теория речевых актов сосредоточена, прежде всего, на исследовании иллокутивных сил высказывания, являющихся лингвистическим коррелятом иллокутивных актов и указывающих на интенцию говорящего при произнесении высказывания. В

связи с этим большой заслугой представителей данной теории является разработанная ими классификация типов иллокутивных актов, рассматривающая пять базовых типов речевых актов [Серль, 1999, с.229], которая свидетельствует о том, что благодаря иллокутивной силе, высказывание может принадлежать к определенному типу. В результате этого понятия «иллокутивный акт» и «речевой акт» часто выступают в качестве синонимов.

Тем не менее, считаем необходимым подчеркнуть, что данная теория имеет ряд недостатков, являющихся предпосылкой для ее критики с точки зрения проводимого нами исследования. Теория речевых актов, например, не предусматривает, какую бы то ни было системную организацию перлокутивного акта, который не находится в необходимой связи с содержанием высказывания. В связи с этим некоторые лингвисты полагают, что здесь речь идет не об акте, а скорее об эффекте [Meibauer, 1999, S.86]. Некоторые исследователи указывают на то, что в силу статической точки зрения на свой объект теория речевых актов не дает ответа на многие важные вопросы, касающиеся речевого поведения человека, принадлежащего к определенному социуму [Кобозева, 1986, с. 21]. В частности, данная теория не обосновывает то, в каком отношении речевой акт находится к предшествующему высказыванию и как изменяет контекст последующего [Франк, 1999, с. 258]. Д. Франк также подчеркивает существующую проблему сегментации потока речи на единицы, соответствующие речевым актам. Согласно теории речевых актов, всякое высказывание необходимо соотносить с одним и только одним типом речевого акта, в то время как с помощью одного и того же высказывания, говорящие часто совершают множество действий одновременно. Зачастую более релевантные речевые акты осуществляются с помощью нескольких предложений или посредством отдельных членов предложения [Франк, 1999, с. 254-255].

Теория речевых актов уделяет недостаточно внимание социальным свойствам субъекта речевой деятельности, который рассматривается в

качестве абстрактного индивида, являющегося носителем ряда характеристик, психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определенного социального института). По своему методологическому статусу теория речевых актов в качестве узкоспециальной лингвистической теории не может претендовать на выдвижение общей теории о природе языка, в отличие от деятельностных концепций гумбольдтианской ориентации [Кобозева, 1986, с. 10].

Одним из недостатков теории речевых актов В. А. Звегинцев считает то, что на место мышления она поставила логику, а попытка логического представления естественного языка не может претендовать на адекватность. По мнению ученого, речь является категорией, основное назначение которой заключается в обеспечении вечного движения мысли и языка, которое не совместимо с константностью формальных постулатов [Звегинцев, 1996, с. 65-66]. Такая точка зрения также указывает на связь с взглядами В. фон Гумбольдта. Таким образом, речевые акты определяются в рамках этой теории исключительно в терминах намерений говорящего.

Необходимо добавить, что понятия «речевой акт» и «высказывание» нередко отождествляются, поскольку традиционно они трактуются как основные и минимальные единицы вербальной коммуникативной деятельности. В этой связи В.Г. Колшанский подчеркивает: «В связи с тем, что коммуникация осуществляется минимум на уровне высказывания, которое способно выражать некоторое утверждение относительно чего-то, высказывание становится во главу угла исследования языка. Можно предполагать, за отсутствием каких-либо экспериментальных данных, что, по меньшей мере, смысл высказывания образуется, исходя из некоторой интенции говорящего, т.е. из некоторой глобальной установки на смысл будущего высказывания» [Колшанский, 1979, с. 51]. Некоторые исследователи указывают на то, что данные понятия не следует отождествлять, поскольку при осуществлении определенных речевых актов

требуется иногда несколько высказываний, т.е. «речевой акт выполняется на совокупности высказываний» [Ревзина, 1999, с.28].

Речевой акт определяется как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [Языкознание, 1998, с.412]. Последовательность речевых актов создает дискурс. В качестве основных черт речевого акта Н.Д. Арутюнова выделяет интенциональность и конвенциональность. Ю.Хабермас следует Дж. Серлю и определяет речевой акт как единицу лингвистической коммуникации в смысле реализации предложения в высказывании [Habermas, 1984, S. 317]. Высказывание, содержащее коммуникативное задание или целеустановку, В.А. Звегинцев определяет как речевой акт, строящийся по модели предложения [Звегинцев, 1996, с. 99]. С точки зрения теории речевых актов речевой акт рассматривается как реализация предложения в рамках конкретной прагматической ситуации общения. Согласование речевого акта с интенциональными состояниями признается обществом обязательным для речевых действий [Языкознание, 1998, с. 413].

Таким образом, можно заключить, что разработанная Дж. Остином и Дж. Серлем теория занимается в основном изучением иллокутивных сил высказывания, которые являются лингвистическим коррелятом интенции, но в рамках этой теории интенции коммуникативной – т.е. соотносимой с понятием намерения, и не учитывает аспектов необходимого взаимодействия (т.е. рассматривается коммуникативная интенция в узком смысле слова, не как отражение всего многообразия интенциональных состояний, а как коммуникативное намерение отдельно взятого высказывания). Как справедливо подчеркивает М. Пеше «процесс высказывания не развивается по линии намерения, «замкнутого на своем собственном желании, как это утверждалось бы в прагматике или в персоналистском толковании высказывания, он насквозь пронизан угрозой смещения смысла. Семантическая единица не может образовываться как постоянная и однородная проекция

«коммуникативного намерения», она образуется скорее как некий узел в конфликтном пространстве, как некоторая, всегда неокончательная стабилизация в игре разнообразных сил» [Пеше, 1999, с.29-30].

Понятие же речевого акта представляет интерес для данного исследования в том плане, что он рассматривается как единица речевой деятельности человека, как коммуникативное действие, носящее интендирующий характер, как продукт мыслительной деятельности человека, направленной на предметы и явления объективной действительности и отражающей их как взаимосвязь процессов и событий. Значит речевой акт, как высказывание в форме предложения, не может выступать в качестве единицы анализа фрагмента медиа-дискурса.

2.2. Сверхфразовое единство как единица анализа медиа-дискурса

Понятие «интенциональное состояние» проникло в лингвистику благодаря лингвофилософским трудам Дж. Серля, который связал интенциональные состояния с речевыми актами. Исследуя природу взаимосвязи сознания и интенциональности, с одной стороны, и способностей, возможностей, позволяющих функционировать этим ментальным состояниям, с другой, Дж. Серль выдвигает положение о невозможности автономного функционирования, отдельно взятого интенционального состояния вне сети других интенциональных состояний [Серл, 2002, с. 167].

Теория речевых актов имеет ряд недостатков, которые в свою очередь создают предпосылки для ее критики. Она, например, не предусматривает, какую бы то ни было системную организацию перлокутивного акта, который не находится в необходимой связи с содержанием высказывания. Речь здесь идет не об акте, а скорее об эффекте [Meibauer, 1999, S. 86]. В силу статической точки зрения на свой объект теория речевых актов не дает ответа на многие важные вопросы, касающиеся речевого поведения человека, принадлежащего к определенному социуму [Кобозева, 1986, с. 21]. Теория

речевых актов не обосновывает то, в каком отношении речевой акт находится к предшествующему высказыванию и как изменяет контекст последующего [Франк, 1999, с. 258], здесь возникает проблема сегментации потока речи на единицы, соответствующие речевым актам. Согласно теории речевых актов, всякое высказывание необходимо соотносить с одним и только одним типом речевого акта, в то время как с помощью одного и того же высказывания, говорящие часто совершают множество действий одновременно. Зачастую более релевантные речевые акты осуществляются с помощью нескольких предложений или посредством отдельных членов предложения [Франк, 1999, с. 254-255]. Теория речевых актов уделяет недостаточное внимание социальным свойствам субъекта речевой деятельности, который рассматривается в качестве абстрактного индивида, являющегося носителем ряда характеристик, психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определенного социального института). По своему методологическому статусу теория речевых актов в качестве узкоспециальной лингвистической теории не может претендовать на выдвижение общей теории о природе языка, в отличие от деятельностных концепций гумбольдтианской ориентации [Кобозева, 1986, с.10]. При определении единицы анализа в публицистическом тексте как фрагменте дискурса логично и целесообразно взять за основу понятие сверхфразового единства как совокупности высказываний, состоящих из цепочки взаимосвязанных предложений, объединенных вокруг одной темы [Москальская, 1981, с.16-19]. В лингвистике сверхфразовое единство определяется как сложное синтаксическое целое, микротекст, отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы. При этом сверхфразовое единство может совпадать с абзацем, а также быть меньше или больше него [Языкознание, 1998, с.435]. Н.А. Левковская считает, что не следует смешивать такие понятия как сверхфразовое единство и абзац. Сверхфразовое единство

является, прежде всего, единицей объективного членения, в основе которого заложена прагматическая установка текста. В первую очередь оно характеризуется смысловой завершенностью, которая играет в сверхфразовом единстве первостепенную роль. Абзац не всегда представляет собой логическое единство, т.е. не всегда характеризуется смысловой завершенностью. Он вычленяется в тексте самим автором в зависимости от его прагматической установки [Левковская, 1980, с.75]. Данная точка зрения коррелирует со взглядами В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, согласно которым язык формирует мышление. Сверхфразовое единство является, прежде всего, логическим, а соответственно, и семантическим единством, создается в основном интуитивно и эксплицитно автором не вычленяется. При исследовании речевых актов в рамках дискурсивной парадигмы необходимо ориентироваться не на логические постулаты, а на этническую специфику, восходящую к гумбольдтианской традиции, побуждающей исследовать важные аспекты социального взаимодействия.

Сверхфразовое единство представляет собой интенциональный акт, включающий отдельные высказывания (речевые акты в форме предложения), не имеющие самостоятельной темы, а служащие для выражения одной темы сверхфразового единства и взаимно дополняющие друг друга при ее раскрытии. Соответственно интенция, на формирование которой оказывают влияние разноуровневые средства, будет рассматриваться как интенция придания значения, которая формируется только в дискурсе и не тождественна исключительно коммуникативному намерению отдельно взятого высказывания как речевого акта, а является отражением сети интенциональных состояний и их взаимосвязей.

2.3. Проблема установления значения в медиа-дискурсе

Феноменология, созданная Э.Гуссерлем, стала исследовать интенциональность в качестве определяющей характеристики сознания, и тем самым по-другому поставила перед учеными проблему значения,

демонстрируя новые подходы к изучению природы взаимосвязанности человеческого познания, мышления и языка. В этой связи считаем возможным согласиться с Т. Хиллом, который подчеркивает: «В то время как античная и средневековая философия имели дело, прежде всего, с проблемой бытия, а новая философия – с проблемой познания, современная философия все больше внимания уделяет проблеме значения. Современная философия в последнее время, касаясь проблемы познания, рассматривает эту проблему не с точки зрения исследования отношения между познающим и познаваемым и не с точки зрения оправдания гипотез, а, прежде всего, с точки зрения выявления значений или анализа языковых выражений» [Хилл, 1965, с.363].

Определения значения можно свести к двум основным: 1) к определению значения как психической, отражательной сущности, соотносимой с такими явлениями, как представления, эмоции, понятия и т.п.; 2) к определению значения как реляционной сущности, как отношения языкового знака к предмету (денотативное значение), к понятию (сигнификативное значение), к условиям акта речи и его участникам (прагматическое значение), к сфере и ситуации его употребления (стилистическое значение), к другим языковым знакам (структурное значение) и т. д. [Васильев, 1990, с.67-69]. Типология видов лексического значения, разработанная Л.А. Новиковым, охватывает все семиотические аспекты: семантику, синтактику и прагматику. В структуре лексического значения языковых единиц им выделяются следующие виды значений: сигнификативное (или «собственно семантическое») значение; структурное значение, которое делится на синтагматическое и парадигматическое; эмотивное (прагматическое) значение; актуальное (сигматическое) значение. Сигнификативное значение определяется отношением знака к сигнификату (*significatum* – термин Ч. Морриса), т.е. к понятию, смыслу, мыслительному содержанию. Представляя собой специфическое отражение объективной действительности, определенное языковое содержание, соотнесенное со

своим знаком, оно является «собственно семантическим» значением, выступает качестве наиболее обычного словарного значения и тем самым дает обобщенное представление о смысловой стороне, потенциальной семантической возможности слова (лексической единицы). Структурное значение, представляющее отношение данного знака к другим знакам внутри определенной знаковой системы, включает две разновидности структурного значения как компонента лексической единицы, т.е., две основные структурно-семантические характеристики этой единицы как элемента лексико-семантической системы языка: 1) синтагматическое структурное значение; 2) парадигматическое структурное значение. Эмотивное (прагматическое) значение является закрепленным в языковой практике отношением говорящих к употребляемым знакам и соответствующим воздействием знаков на людей. Данный аспект лексического значения является в лексической семантике специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, оценочным эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения. Актуальное (сигматическое) значение является отношением языковой единицы (т.е. знака и свойственного ему сигнификативного, структурного и прагматического значения) к конкретному предмету обозначаемой действительности (данной ситуации) и соответствующее отражение этого отношения в лексическом значении единицы [Новиков, 2001, с.449-469].

В отличие от лексического значения, которым обладает каждое неслужебное слово как единица словаря, в которой отражены понятия или представления о предметах и явлениях объективной действительности, грамматическое значение не свойственно слову как таковому, поскольку оно возникает в предложении при сочетании соответствующих словоформ, и тем самым, отражает отношения между предметами и явлениями объективной действительности [Баклушин, 1989, с.40]. В системе грамматических значений объективируются – через ступень понятий – знания о предметах и

явлениях действительности, их связях и отношениях. Традиционно различаются с одной стороны, грамматические значения референциальные (несинтаксические), отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности, например, значения количественные, пространственные, временные, и, с другой, грамматические значения реляционные (синтаксические), указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений, или указывающие на связь основ в составе сложных слов (соединительное словообразовательное значение). Денотатом как лексических, так и грамматических значений являются отраженные в человеческом сознании явления и отношения объективной действительности.

На наш взгляд, при анализе роли интенциональности в формировании интенционального значения в медиа-дискурсе, в качестве базовой может выступать концепция значения М.В. Никитина, согласно которой ситуации, характеризующиеся наличием значения, рассматриваются как значимые ситуации, предполагающие связь двух фактов (предметов, событий, явлений), и осознание этой связи наблюдателем. В значимой ситуации значение как факт сознания возникает при осознанной информационной связи между двумя фактами, при которой один факт актуализирует в сознании мысль о другом и информационно настраивает сознание на этот последний [Никитин, 1988, с.14]. Значение, таким образом, выступает как факт сознания.

С проблемой исследования феномена значения неразрывно связана необходимость дифференциации языковых и неязыковых знаний.

Язык массовой коммуникации, обладая информационной функцией особого рода, в доступной форме сообщает массам знание о всех тех ценностях (производство, материальные блага, наука, искусство, нравственность, политика, право и т. п.), которые выработаны материальной и духовной культурой человечества. Язык массовой коммуникации обязательно поэтому включает в себя в лексико-семантической, синтаксической и иных формах категории и законы, выражающие

логическое, психологическое, художественное, нравственное, политическое отношение личности и общества к действительности. [Кошевой, 1984, с.220]. Таким образом, как парадигма коммуникативных действий, в рамках которой возникают конкретные тексты, а также типы текста, дискурс определяет смысл, истинность, правильность или значимость форм и содержания речевых актов (высказываний). Тексты выступают как фрагменты дискурса, как результаты взаимодействия внешней действительности, внутренней психической реальности и знаково-символической системы, дающей описание первой, преломленное через вторую. Проблема, касающаяся разграничения языковых и неязыковых знаний, которые в свою очередь составляют основу мыслительного содержания, была поставлена еще в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ и А. А. Потебни. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «В языке или речи человеческой отражаются различные мировоззрения и настроения, как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием, т.е. мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с.79].

Наряду с ближайшими (языковыми) значениями А. А. Потебня особо выделял «дальнейшие значения», соотнесенные со сферой неязыкового знания (содержания). По мнению этого ученого, языковые значения слов представляют собой внутреннюю форму. Он писал: «Значение слов, в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутренней их формой в отличие от внешней звуковой, иначе – способом представления внеязычного содержания» [Потебня, 1958, с. 47]. Решая вопрос о взаимоотношении языкового и неязыкового знания, И. А. Стернин пишет: «Под знанием о мире следует понимать всю совокупность знаний, относящихся к тому или иному предмету. Знание о мире, таким образом, включает научное, бытовое и энциклопедическое знание» [Стернин, 1985, с.21].

По мнению этого исследователя, языковое знание о мире противостоит неязыковому знанию, существующему в сознании человека в неязыковой форме. «Языковое знание представлено в значениях слов в виде отдельных семантических компонентов, неязыковое – не образует каких-либо компонентов в значениях слов. Неязыковые знания хранятся в сознании человека в конкретной, чувственно-наглядной форме и являются результатом наглядно-действенного мышления человека, общего у него с животными» [Стернин, 1985, с.31].

При анализе роли интенциональности в формировании интенционального значения в дискурсе, в качестве базовой выступает концепция значения М.В. Никитина, согласно которой ситуации, характеризующиеся наличием значения, рассматриваются как значимые ситуации, предполагающие связь двух фактов (предметов, событий, явлений), и осознание этой связи наблюдателем. В значимой ситуации значение как факт сознания возникает при осознанной информационной связи между двумя фактами, при которой один факт актуализирует в сознании мысль о другом и информационно настраивает сознание на этот последний [Никитин, 1988, с.14].

Итак, знания представляют собой все виды значений, как отражение содержания сознания в актуальный момент времени, с помощью которых человек истолковывает окружающую его действительность. В публицистическом тексте отражено все многообразие интенциональных состояний. Текст как фрагмент дискурса и особая форма социального знания, предстает в качестве глобального языкового знака, получающего интенциональное значение на определенном этапе исторического процесса.

В рамках когнитивного подхода язык выступает как ментальный феномен. Объектом когнитивной лингвистики является языковые знания или ментальные структуры, которые определяют языковое поведение человека, порождение им вербальных высказываний и понимание таких действий. Для интерпретации коммуникативных действий говорящего, включающих

интенциональный компонент, адресат привлекает не только собственно лингвистические знания. Для интерпретации дискурса как сложной системы иерархии знаний Т. А. ван Дейк ввел понятие модели ситуации, которая рассматривается в качестве когнитивного коррелята определенной ситуации относящейся к какому-либо фрагменту действительности. Для репрезентации знаний о стереотипной ситуации Т.А. ван Дейк использует понятие фрейма. Фрейм рассматривается как обобщенная невербальная структура лингвистических и внелингвистических знаний, актуализируемая говорящим и слушающим в качестве инструмента анализа прагматического контекста коммуникативных действий в дискурсе [ван Дейк, 1989, с. 26-30].

В данном исследовании фрейм изучается как один из инструментов манипулятивного воздействия на сознание реципиента медиа-текстов.

2.4. Дискурсивная парадигма исследования медиа-текстов

Овладение языком как уникальной знаковой системой обеспечило человеку переход от чувственного познания к рациональному. Это, несомненно, явилось самым существенным событием в эволюции психической жизни *homo sapiens*. Сознательную деятельность человека характеризует его способность делать выводы об интенциональных состояниях участников коммуникации, опираясь только на используемые средства языка. По мнению А. Р. Лурия, данная способность осуществлять операцию вывода делает возможным существование сложнейших форм дискурсивного мышления, представляющих собой основные формы продуктивной деятельности человеческого интеллекта [Лурия, 1998, с. 323].

Как сложный и многоаспектный объект исследования, дискурс, начиная с 70-х годов 20 века получил широкое распространение в таких областях знания, как философия, психология, социология, этнография, лингвистика. Дискурс обращен к прагматической ситуации, играющей важную роль в определении связности дискурса и его интерпретации, а также к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим,

психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в определенных условиях [Языкознание, 1998, с.137]. Т.А. ван Дейк, известный своими классическими трудами по вопросам дискурса, указывает на то, что дискурс представляет собой существенную составляющую социокультурного взаимодействия, характерными чертами которого являются – интересы, цели, и стили, как сложное единство языковой формы, значения и коммуникативного акта [ван Дейк, 1989, с.53].

В лингвистике существует множество определений термина «дискурс», в которых отражены различные трактовки значения этого феномена. В энциклопедическом словаре «Языкознание» представлено следующее определение дискурса: «Дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Языкознание, 1998, с.136-137].

Очевидно, что при исследовании дискурса в центре внимания исследователей оказалась экстралингвистическая информация, непосредственно связанная с ментальными процессами. Среди многочисленных определений понятия «дискурс», по мнению Ю.С. Степанова, является описание этого термина В.З. Демьянковым, который рассматривает дискурс как произвольный фрагмент, который может состоять более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда концентрируется вокруг некоторого опорного концепта. Создаваемый дискурсом общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, поступки, обстоятельства и т. п., определяется не столько последовательностью предложений, сколько общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который выстраивается в процессе развертывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой

логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. В качестве элементов дискурса В. З. Демьянков рассматривает излагаемые события, их участников, перформативную информацию и «не-события», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события, б) фон, поясняющий события, в) оценка участников события, г) информация, соотносящая дискурс с событиями [Степанов, 1995, с.37-38].

Следует подчеркнуть, что теория дискурса как прагматизированной формы текста восходит к концепции Э.Бенвениста, который разграничивал план повествования (*recit*) и план дискурса – языка, присваиваемого говорящим человеком. Э. Бенвенист указывал на то, что речь (*discours*) следует понимать в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго. На протяжении последних двух десятилетий толкование данного понятия претерпевало в лингвистике значительные изменения. Изначально нечеткое определение дискурса явилось причиной употребления этого понятия в ряду таких терминов как «речь» (*discours* – «речь, погруженная в жизнь»), «текст», «функциональный стиль» [Ревзина, 1999, с. 25]. Структурными элементами дискурса являются единицы и формы речи, взаимодействие которых представляет часть повседневной речевой деятельности, в то же время дискурс можно рассматривать как совокупность интеракций между представителями определенных социальных групп [Протасова, 1999, с.144]. Дискурс – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих его специфику [Манаенко, 2003, с.23-24].

Например, с точки зрения когнитивного подхода дискурс определяется как достаточно сложная система иерархии знаний. Е.С. Кубрякова считает, что дискурсивные данные позволяют судить [Кубрякова, 1994, с. 37]: о языке

и его употреблении в особых целях, в определенных ситуациях; об обмене информацией, ее получении и осмыслении в актах коммуникации; о ментальной деятельности человека, о его сознании и мышлении.

Таким образом, анализ многочисленных определений понятия дискурса в работах отечественных и зарубежных исследователей свидетельствует о том, что сложность изучения этого феномена обусловлена не столько многообразием существующих концепций дискурса (литературоведческой, философско-исторической и т. п.) в различных научных областях, сколько противоречивыми взглядами языковедов на проблему дискурса в различных направлениях самой лингвистики.

Согласно взглядам З. Егера, дискурсы как «социальные потоки знаний сквозь время» [Jäger, 2001, S.82] представляют собой достаточно сложное образование, вследствие чего закономерно возникает вопрос о том, каким образом дискурсы могут быть проанализированы. Для решения данной задачи З. Егер предлагает принципиально различать специальные дискурсы (дискурсы наук или науки) и интердискурс, причем все ненаучные дискурсы рассматриваются в качестве составных элементов интердискурса. В то же время элементы научных дискурсов постоянно вливаются в интердискурс. По З. Егеру, дискурсы образовались и обособились как результаты исторических процессов, и, транспортируют гораздо больше знаний, чем владеют отдельные субъекты. Данным положением западногерманский исследователь постулирует наиндивидуальную сущность дискурса, но не отрицает субъект как таковой. М. Фуко, же, предлагает «освобождение от субъекта» [Фуко, 1996]. З. Егер считает, что М. Фуко не отрицает субъект как таковой, а намерен осуществить исторический анализ, который может прояснить конституцию субъекта в исторической взаимосвязи, в социоисторическом контексте, т.е. в синхронной и диахронной перспективе. Такая концепция направлена не против субъекта, а против субъективизма и индивидуализма. В процессе деятельности индивидуум имеет проблему

существования, т. е. ему необходимо найти свое место в обществе. Он делает это в рамках бурно растущей сети дискурсивных отношений и столкновений. Данная позиция З. Егера указывает на то, как субъекты и предметы действительности связаны друг с другом. Субъект он определяет, как связующее звено между дискурсом и действительностью.

Актуальность использования дискурс-анализа при изучении публицистических текстов продиктована, прежде всего, потребностью в постижении механизмов образования значений в подобных текстах, в выявлении их структуры, скрытых смыслов, приемов, используемых авторами для убеждения политической аудитории, т. е. в более глубоком качественном исследовании, нежели позволяет традиционный контент-анализ. Как указывает А. Ю. Шевченко, дискурс-анализ не просто направлен на изучение структуры текста. Он призван выявить выражаемые этими структурами «подстрочные» (подразумеваемые) значения, мнения и идеологию [Шевченко, 2002, с.20].

Как парадигма коммуникативных действий, в рамках которой возникают конкретные тексты, а также типы текста, дискурс определяет смысл, истинность, правильность или значимость форм и содержания речевых актов (высказываний). Тексты здесь не являются изолированными коммуникативными продуктами, которые представляют исключительно целостности, состоящие из предложений и / или высказываний, и тем самым следующие лишь интенциям коммуницирующих субъектов и правилам языковой системы. Более того, они являются реализациями в комплексных (сложных) процессах обмена текстов. В качестве феноменов между текстами и языковой системой дискурсы находятся в отношении взаимозависимости по отношению к реализованным в них текстам [Куве, 2003, S. 67]. Связь между «значениями» текста и социально-историческими условиями создания этого текста ни в коей мере не является вторичной, она входит составной частью в сами значения [Арош, Анри, Пеше, 1999, с.143].

На протяжении истории своего развития человек познает окружающий мир, стремится к приобретению знания. Знание, как известно, составляет основу предмета познания, на который направлена деятельность познающего субъекта. Поскольку окружающий мир постоянно изменяется, человек стремится к приобретению новых знаний, их систематизации, совершенствуя тем самым формы познавательной деятельности. Как существо разумное (*homo sapiens*), человек обладает способностью в результате познавательной деятельности приобретать и обобщать определенный опыт. Фундаментальное значение имеет тот факт, что человек как мыслящий субъект способен осуществлять коммуникацию с индивидами определенного социума, что является закономерным следствием развития форм общественных отношений в ходе исторического процесса.

На основе выше сказанного можно заключить, что публицистические тексты отражают социальные практики языковой общности на протяжении ее развития. Тем самым они транслируют социальные знания этой общности через язык текста, в котором содержится то множество значений, которое можно установить лишь в рамках дискурсивной парадигмы.

2.6. Тексты СМИ как фрагменты медиа-дискурса

Вопрос о разграничении понятий «текст» и «дискурс» является актуальным, так как данные понятия используются исследователями как различающиеся, так и как взаимозаменяемые.

С позиций современных подходов дискурс является более широким понятием, чем текст. А. А. Кибрик считает, что дискурс представляет собой одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (текст) [Современная американская лингвистика, 2002, с. 307]. Разграничивая данные понятия, Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова под дискурсом понимают когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст представляет собой конечный результат процесса речевой деятельности в определенной зафиксированной форме. По мнению этих ученых, текст может трактоваться как дискурс в том

случае, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека [Кубрякова, Александрова, 1997, с.19].

Понятие «дискурс» связано с анализом языкового отрезка как процесса с учетом участников этого события, их знаний, сложившейся ситуации общения, а понятие «текст» связано с анализом языкового отрезка как продукта. Исследователи нередко, оперируя понятием «текст», рассматривают языковой отрезок как динамически развертывающийся [Басималиева, 1999, с. 81-82]. Анализ социального взаимодействия связан с изучением структуры знаний. Знания передаются через ритуалы, традиции. Большую роль играет знаковый способ передачи знаний – их материализация с помощью таких артефактов как тексты. Считаю возможным согласиться с точкой зрения З. Я. Тураевой, которая считает, что анализ текста, смысловой, семантической, синтаксической структур, его составляющих, изучение того, как протекают процессы понимания и порождения текста, есть изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей [Тураева, 1994, с. 105]. Тексты СМИ могут обретать социальную силу и воздействовать на сознание адресата, поскольку передают не только фактическую, но и контрафактическую картину мира. Как справедливо подчеркивает Н. В. Халина, «в системе средств массовой коммуникации системой, формирующей и транслирующей знание, становится язык. Процесс организации и распространения информации в средствах массовой коммуникации позволяет проследить роль языка как средства передачи идентичной информации. Особую важность приобретает решение проблемы моделирования общения как социального явления, дискурсивной практики» [Халина, 2006, с.29].

Итак, текст является фундаментальным понятием современной лингвистики и семиотики. Кроме коммуникативной функции, в нем реализуется смыслообразующая функция, когда сам текст становится своеобразным генератором смыслов. Исходно заложенный в тексте смысл подвергается в ходе культурного функционирования текста сложным

переработкам и трансформациям, в результате чего происходит приращение смысла. Здесь подчеркнута, прежде всего, бинарность текста – с одной стороны, это смыслодержательная структура, с другой – смыслообразующая.

В работе современного лингвиста З. Егера «Дискурс и знание» [Jäger, 2001] представлено, на наш взгляд, одно из наиболее содержательных пониманий феномена дискурса, которое, с одной стороны, сближает его с теорией археологии знания М. Фуко, а другой стороны, вводит понятие дискурса в соотношение с категорией «текст». З. Егер определяет дискурс как поток знаний или социальных запасов знаний сквозь время, определяющий индивидуальные и коллективные действия и образы, посредством чего он (т.е. дискурс) осуществляет воздействие. При этом знание он трактует как все виды содержания сознания / значений, с помощью которых люди истолковывают и формируют окружающую их действительность. Эти знания люди извлекают из соответствующих дискурсивных взаимосвязей, в которых они рождены и в рамках, которых они находятся в течение их жизни [Jäger, 2001, S.82].

В процессе декодирования текста мы имеем дело не с языком, как таковым, а со знанием, которое язык выражает и передает. З. Егер вводит понятие «ветвь дискурса», состоящую из набора элементов, традиционно обозначаемых как тексты. З. Егер предпочитает термин фрагмент дискурса термину текст, так как тексты могут касаться многих тем и, следовательно, содержать множество фрагментов дискурса. В качестве фрагмента дискурса выступает текст или часть текста, где обсуждается определенная тема. Текст может содержать и, как правило, содержит тематические связи с самыми различными ветвями дискурса. Таким образом, в одном тексте представлены различные фрагменты дискурса в «скрещенной форме». Такое скрещение ветвей дискурса возникает, когда текст рассматривает четко различные темы, а также одну тему, в которой проводятся связи с другими темами.

Все события, по мнению германского исследователя З. Егера, имеют дискурсивные корни. Дискурсивные события могут создаваться через СМИ и влиять на направление и качество ветви дискурса, к которой они принадлежат. Обнаружение дискурсивных событий имеет важное значение для анализа ветвей дискурса, так как их изображение маркирует / очерчивает дискурсивный контекст, к которому относится актуальная ветвь дискурса.

Подчеркивая тот факт, что слово «событие» в нетерминологическом значении обычно определяют, как «значительное явление, факт общественной или личной жизни», В. Я. Шабес считает возможным рассматривать «событие» как основную единицу фоновых знаний [Шабес, 1989, с. 15].

Исходя из выше сказанного, нам представляется целесообразным рассматривать термин «событие» как значительное явление, факт общественной жизни, очерчивающее социально-исторический контекст фрагмента дискурса. Дискурсивное событие детерминирует пропозициональное содержание, которое выступает в качестве одной из форм фоновых знаний. Так, анализ синхронного отрезка через ветвь дискурса может помочь найти свою историческую связь таким образом, что этот синхронный отрезок можно связать с каким-то видом хроники дискурса. Дискурсы детерминируют реальность через действующих субъектов в их общественных контекстах. В то же время З. Егер подчеркивает, что дискурс представляет собственную действительность, которая по отношению к «действительной действительности» не является искажением, а имеет собственную материальность и питается от прошлых и других актуальных дискурсов.

Итак, можно заключить, что в концепции З. Егера представлена материальная трактовка дискурса, характеризующая его как общественный продукт. Связь между значениями, зафиксированными в тексте и социально-историческими условиями создания этого текста ни в коей мере не является вторичной, она входит составной частью в сами значения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дискурс, отражая исторический контекст социальной практики той или иной языковой общности, с одной стороны транслирует экстралингвистические или фоновые знания (социальная информация), а с другой стороны знания языковые, которые зафиксированы в знаковой системе языка, его «внутренней форме». Дискурс обладает надындивидуальной сущностью, поскольку создается не одним человеком или группой, а социумом.

Итак, дискурсы формируются как результаты социальных практик в рамках исторического процесса транспортируют гораздо больше знаний, чем владеют отдельные субъекты. Дискурсы транспортируют знания, которые снабжают как индивидуальное, так и коллективное сознание. Такое знание является основой для индивидуальных и коллективных действий, а также для формирования значимой действительности. Действительность имеет бесконечное множество значений, и она существует в такой форме, поскольку носители языка и определенной культуры как часть социально-исторического дискурса придают или приписывают ей эти значения, которые они в свою очередь получили от своих предков.

2.5. Этапы анализа медиа-текстов как фрагментов дискурса

При дискурс-анализе вербализации интенциональных состояний публицистический текст определяется нами вслед за З. Егером как фрагмент дискурса, отражающий «поток знаний или социальных запасов знаний сквозь время» [Jäger, 2001, с. 82]. Следовательно, с такой позиции дискурс будет выступать в качестве результата исторического процесса, знания о котором зафиксированы в интенциональных состояниях или интенциональных переживаниях объективной действительности, которые могут быть вербализованы посредством языка определенной нации как языковой общности (термин Л. Вайсгербера).

При этом знания представляют собой все виды содержания сознания / значений, с помощью которых люди трактуют (толкуют, истолковывают) и

формируют окружающую их действительность [Jäger, 2001, S. 86]. Здесь необходимо подчеркнуть, что предметы и определенные положения дел существуют в сознании индивидуума и социума до тех пор, пока им приписывают значения. Эти знания люди извлекают из соответствующих дискурсивных взаимосвязей, в которых они рождены и в рамках, которых они живут в течение их бытия. Действительность является значимой она существует в той или иной форме лишь потому, что ей приписывают значение люди, которые «вплетены» в социально-историческую ткань дискурсов и через эти дискурсы конституированы. Приписывание значения не является несвязным символическим действием, а означает «оживление» найденного ранее, новое формирование и изменение. Таким образом, дискурс «питается» из прошлых или настоящих (актуальных) дискурсов и является выражением социальной практики.

В рамках междисциплинарного подхода в качестве предмета анализа текста как фрагмента медиа-дискурса определяется интенциональное значение. Денотатом интенционального значения, на наш взгляд, является интенциональный предмет, который потенциально может быть представлен в сознании множеством интенциональных содержаний (значений), но актуально, только одним, т.е. при вербализации интенционального состояния в публицистическом тексте на данном этапе исторического развития языковой общности. В роли объекта анализа медиа-дискурса выступают разноуровневые языковые средства.

Основной единицей дискурс-анализа выступает сверхфразовое единство, представляющее собой совокупность высказываний, состоящих из цепочки взаимосвязанных предложений, объединенных вокруг одной темы (одной или нескольких ветвей дискурса по З. Егеру), что является проявлением смысловой целостности и семантической изотопии текста [Москальская, 1981, с.16-19]. В фокусе проводимого исследования представляется возможным и методологически верным рассматривать сверхфразовое единство как вербализуемый в медиа-тексте

интенциональный акт, устанавливающий связь между интенциональным содержанием и интенциональным объектом (предметы и положение дел в мире, отраженные в пропозициональном содержании).

Выбор сверхфразового единства в качестве единицы анализа позволяет следовать одному из основных положений теории дискурса по З. Егеру, согласно которому для обозначения определенной темы используется понятие «ветвь дискурса», означающее тематически единые дискурсивные процессы в определенном фрагменте дискурса [Jäger, 2001].

Данный междисциплинарный подход включает несколько этапов. На первом этапе осуществляется дифференциация интенционального состояния, осуществляемая через выявление в медиа-тексте дискурсивного события. Дискурсивные события, отражая фрагмент социальной практики данной языковой общности, маркируют дискурсивный контекст, и, тем самым, детерминируют пропозициональное содержание совокупности высказываний, с помощью которых вербализуется определенное интенциональное состояние, и которые составляют структуру соответствующего сверхфразового единства.

В качестве маркеров дискурсивного события выступают определенные лексические единицы, значения которых имеют отчетливую внешнеязыковую соотнесенность. Это в свою очередь подтверждает положение, согласно которому воздействие идеологии на язык проявляется, прежде всего, в его лексико-семантической системе, элементы которой в меньшей степени подвержены внутрисистемным влияниям [Кузнецов, 1989, с. 117]. Более того, в пределах любого фрагмента дискурса, реализованного на том или ином языке, лексические элементы, играя важную роль в активизации в сознании адресата определенной части его опыта, поставляют большую часть содержания этого опыта, в отличие от грамматической подсистемы, которая, главным образом, определяет его структуру [Талми, 1999, с.114].

Дискурсивное событие не только очерчивает социально-исторический контекст, но обуславливает репрезентацию определенных интенциональных состояний. Знания, извлекаемые человеком из соответствующих дискурсивных взаимосвязей, транслируются дискурсом, и отражены в публицистическом тексте всеми видами значений, с помощью которых люди истолковывают и формируют окружающую их действительность [Jäger 2001: 82].

Под дискурсивным событием в работе, таким образом, понимается значимое для данной языковой общности событие на определенном этапе ее исторического развития, маркируемое в публицистическом тексте как фрагменте дискурса определенными лексическими единицами. Дискурсивные события отражают социальные практики языковой общности и очерчивают социально-исторический контекст, детерминируя определенное пропозициональное содержание, транслирующее экстралингвистические / неязыковые знания. Пропозициональное содержание публицистического текста, отражающее предметы и положения дел объективной действительности и детерминируемое дискурсивным событием, является необходимым условием существования многообразия интенциональных состояний и выступает в качестве объекта, на который направлены эти интенциональные состояния. Следовательно, пропозициональное содержание выступает в качестве интенционального объекта, на который направлены интенциональные акты (коммуникативные действия в рамках сверхфразового единства) познающего субъекта и носителя языка как представителя определенной языковой общности. Пропозициональное содержание как интенциональный объект содержит экстралингвистические знания, отражающие социальные практики языковой общности.

На следующем этапе осуществляется выявление параметров структуры дискурса (интенциональное состояние автора, интенциональное состояние нации, социум, языковая общность). Основная задача данного этапа –

определение особенностей грамматической дистрибуции в тексте пропозиционального содержания. Рассмотрение грамматических средств вербализации интенциональных состояний и обоснование положения, согласно которому человек как субъект познания и носитель языка, т.е. как интенциональная система высшего порядка [Деннет, 2004], способен приписывать значения предметам и положениям дел в мире не только в настоящем, но в прошлом, и в будущем (идея Э. Гуссерля о «внутренней временности»). Здесь анализируются грамматические формы настоящего времени для выражения прошлого и будущего (транспозиции), устойчивые словосочетания с грамматической направленностью, модальные слова.

На заключительном этапе осуществляется фреймовый анализ и установление интенционального значения. Основная задача этого этапа – установление значения медиа-текста как фрагмента потока социальных запасов знаний языковой общности на определенном этапе исторического развития. Интенциональное значение определяется нами как особый вид значения публицистического текста, выступающего в качестве особой формы материализации социальных знаний и фрагмента дискурса на данном этапе исторического развития определенной языковой общности. В формировании интенционального значения интегрирующую роль играют следующие виды знаний: языковые знания, отраженные в лексическом, грамматическом, словообразовательном значениях средств вербализации интенциональных состояний («внутренняя форма», т.е. все многообразие значений языковых единиц, выражающих определенное интенциональное состояние); экстралингвистические знания, содержащие информацию о социальной практике языковой общности и транслируемые посредством пропозиционального содержания, выступающего в качестве интенционального объекта.

Таким образом, интенциональное значение выступает как факт сознания представителя языковой общности, социальные практики которой

отражены в публицистических текстах и позволяют выявить особенности вербализации интенциональных состояний в данных фрагментах дискурса.

2.6. Манипуляция как особый вид дискредитации

В качестве пролога считаем целесообразным привести слова выдающегося русского психиатра, невропатолога, физиолога, психолога В.М.Бехтерева: «Не подлежит никакому сомнению, что психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы при благоприятной тому почве к опустошительным войнам и взаимоистреблению» [Бехтерев, 2001, с.145-146].

Термин «манипуляция», как считает Е.Л. Доценко, используется применительно к средствам массовой информации и политическим мероприятиям, направленным на программирование мнений или устремлений масс, психического состояния населения и т.п. Конечная цель таких усилий – контроль над населением, его управляемость и послушность [Доценко, 2000, с.59]. С.Г. Кара-Мурза также актуализирует такую важную характеристику как программирование психики и поведения человека, но при этом подчеркивает другой существенный аспект – скрытый характер такого воздействия. Он говорит о манипулировании как о «способе духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении» [Кара-Мурза, 2000, с. 33]. Западногерманский исследователь Герберт Франке в своей работе «Манипулируемый человек» (1964) в качестве последствия манипулирования выделяет ущерб от такого психического воздействия на личность: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а, следовательно, в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» [цит. по Кара-Мурза, 2000, с.20].

В своей диссертации «Социальная манипуляция: Философский анализ» М.И. Бабюк определяет манипуляцию как «способ социального взаимодействия, обусловленный определенными, исторически сложившимися социальными отношениями, и характеризующийся психическим воздействием одного из субъектов взаимодействия (манипулятора) на другого таким образом, что превращает его в объект, т.е. побуждает его к поведению, целям, желаниям, интересам, потребностям и действиям, необходимым манипулятору» [Бабюк, 2004, с.19].

Итак, подводя итог компаративного анализа дефиниций термина, можно прийти к выводу, что манипулирование людьми априори представляет собой преступный акт, так как манипулятор воздействует на психику человека и как следствие, наносит ему ущерб, и что важно – все это совершает намеренно, то есть, умысел имеет место быть.

Термин «манипуляция» тесно коррелирует с понятием суггестии, или внушения. Внушение (или суггестия) (лат. suggestio) – процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением сознательности или критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта [Психология, 1990, с.57]. В.М. Бехтерев под внушением понимает непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний, помимо его «я», т.е. в обход его сознающей и критикующей личности [Бехтерев, 2001, с.24]. Другой отечественный исследователь, И.Ю. Черепанова пишет: «Внушение (СУГГЕСТИЯ) есть не что иное, как подача информации, воспринимаемой адресатом без критической оценки, латентное (скрытое) воздействие на человека, оказывающее влияние на течение нервно-психических процессов» [Черепанова, 1996, с.15].

Общим в этих определениях, безусловно, является то, что с помощью внушения в личности намеренно хотят «выключить» такой важный элемент

мышления как критичность, которую человек по замыслу манипулятора должен утратить, чтобы его поведение стало подконтрольным.

Исследуя природу манипуляции, известный европейский ученый, Тен ван Дейк говорит о властных группах и организациях, а также о способах их контроля над публичным дискурсом, особенно в сфере публичной политики, медиа и сознании граждан. Он пишет: «Применительно к дискурсу это означает, что мы должны поставить вопрос о том, кто имеет доступ к фундаментальному властному ресурсу, каковым является публичный дискурс, кто имеет доступ к медиа-дискурсу, политическому, образовательному и академическому дискурсам. Кто способен контролировать производство такого дискурса, а также пресс-конференций, пресс-релизов и других способов влияния ни журналистов и медиа? Дело в том, что контроль над частью процесса производства публичного дискурса означает контроль над частью его содержания, а, следовательно, и косвенный контроль над общественным сознанием – может быть, и не непосредственно над тем, что люди думают, по, но крайней мере, над тем, о чем они думают [Тен ван Дейк, 2013, с.14-15].

Итак, манипулирование априори представляет собой преступный акт, так как манипулятор воздействует на психику человека и как следствие, наносит ему ущерб.

2.7. Дискредитация творческой личности: история и современность

Проблема дискредитации творческой личности в медиа-дискурсе, на самом деле, уходит своими корнями в далекое прошлое. Здесь достаточно вспомнить о гибели А.С. Пушкина на дуэли. История эта хорошо известна и изучена, но нам бы хотелось здесь актуализировать медийно-дискурсивный аспект. Формальным поводом для дуэли поэта с Жоржем Дантесом, приемным сыном барона Геккерена, голландского посланника в России, как известно, послужил пасквиль, который А. С. Пушкин получил 4 ноября 1936 года. В письме, написанном на французском языке, было сказано следующее:

«Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул, под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена, его превосходительства Д.Л.Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь граф И.Борх» [Абрамович, 1989, с. 5-6].

По сути, данный пасквиль в то время выполнял функцию креолизованного публицистического текста как фрагмента медиа-дискурса, поскольку точно такие же конверты в этот же день получили друзья и знакомые поэта – Вяземские, Карамзины, Виельгорский, Росsetы. Поэтому для А.С. Пушкина тогда этот текст сыграл роковую роль: были опорочены его честь и доброе имя, и, соответственно, имя его жены. Как справедливо отмечает Е.А. Маймин, «он погиб не из ревности вовсе, а потому что не мог не отстаивать себя, свое имя, помня, что это имя звучит – ПУШКИН» [Маймин, 1982, с. 206].

В настоящее время в качестве мишеней дискредитации со стороны СМИ выступают артисты, которые стали известными еще в эпоху СССР как актеры, которые родились на Украине: Владимир Талашко, Ада Роговцева, Алексей Горбунов и многие другие. Поскольку они поддержали Евромайдан, выступили против присоединения Крыма в 2014 году, многие из них стали в России персонами нон грата, а в российских СМИ подвергаются жесточайшей критике. Эта судьба постигла и молодых актеров, которые прославились в российском кино. В августе 2017 года как гром среди ясного неба с телеэкранов к нам ворвалась новость: российский актер Анатолий Пашинин, телезвезда, неоднократно сыгравший роли достойных советских и российских офицеров, а особенно полюбившийся телезрителям за фильм «Грозные ворота», стал бойцом восьмого батальона «Аратта», входящего в Украинскую добровольческую армию (командир – Дмитрий Ярош). Действительно, актер в камуфляже не только с гордостью демонстрировал свой армейский медальон, но и, что немаловажно, российский паспорт.

Негодование и осуждение со стороны общества вызвали заявления А. Пашинина о том, что он участвует в боевых действиях только ради удовольствия: *«Я здесь не выполняю долг, находясь вот с этими славными ребятами, я кайф ловлю... Независимость, она вот здесь»*. Так заявил А. Пашинин, позируя для журналистов с оружием в руках.

В связи с этим дискурсивным событием стоит вспомнить коллегу А. Пашинина по фильму «Грозовые ворота», Михаила Пореченкова, который еще в конце октября 2014 года посетил непризнанную Донецкую Народную Республику. Как сообщали СМИ, основная миссия М. Пореченкова заключалась в том, чтобы участвовать в презентации фильма «Поддубный», в котором он сыграл главную роль, и который официально запрещён к показу на Украине. <https://www.youtube.com/watch?v=aCDJYZE3wdg>. М. Пореченков посетил позиции войск ДНР в районе донецкого аэропорта, откуда произвёл несколько очередей из крупнокалиберного пулемёта. Стреляя из пулемёта, актёр был в каске с надписью «Пресса», что вызвало негативную реакцию в российском журналистском сообществе. Наиболее ярким выступлением здесь можно считать слова Николая Сванидзе: .... *Я всегда с уважением относился к Пореченкову, он прекрасный актер, но этот его поступок просто за гранью добра и зла по целому ряду параметров. Во-первых, в каске с надписью «Пресса» нельзя подходить к оружию, странно, что он об этом не знал. Таким образом, он подставил весь журналистский цех, он сам актер, зачем ему каска «Пресса»? Так нельзя делать, если после этого начнут убивать журналистов, то ему можно сказать «большое спасибо». Это все равно, что под красным крестом стрелять из пулемета, это абсолютное табу. Во-вторых, это глубоко аморально, приехать в другую страну, где идет самая настоящая война, а в данный момент объявлено перемирие, и стрелять из пулемета. Он что, не доигравший в войну подросток? Как это вообще можно понять? Я, если честно, даже не нахожу этому поступку объяснений. Я считаю, что в моральном и профессиональном плане Пореченков подписал себе приговор.*

Человек приехал из невоюющей страны, Россия ведь, насколько нам известно, не воюет с Украиной, надел каску «Пресса», сел за пулемет и стал стрелять в их сторону. А если он в кого-то попал? Да даже если не попал, как это расценивать? Украинские власти в этой ситуации имеют полное право принять самые жесткие меры. К тому же отношения между Россией и Украиной и так оставляют желать лучшего, а такой поступок только все усугубит. Потому что как можно расценивать то, что заслуженный артист РФ приезжает и начинает строчить из пулемета в их сторону? Явно не как положительное явление, способствующее сглаживанию конфликта.

Фигуры М. Пореченкова и А. Пашинина представляют в этом смысле особый интерес, так как они оба все еще являются гражданами российской федерации, к тому же и тот и другой держат оружие в руках, производят из него выстрелы, а значит, фактически принимают участие в боевых действиях. Считаем необходимым подчеркнуть, что публичный деятель всегда должен отдавать отчет своим действиям, поскольку по его поступкам часто формируется общественное мнение о стране, гражданином которой он является. Средства массовой информации зачастую дают не совсем объективную оценку в погоне за сенсацией. Оценивать же деяния любого, даже известного человека, следует только с точки зрения соблюдения этических и правовых норм.

Украинская тема является для современного российского медиа-дискурса актуальной, в том числе и в сфере шоу-бизнеса. Лето 2016 года ознаменовалось следующим интересным дискурсивным событием: певица Джамала, представлявшая Украину на международном конкурсе «Евровидение-2016» в Швеции, пронзительно исполнила песню «1944» и завоевала главную награду. В основу сюжета песни положена трагическая история депортации крымских татар в 1944 году: *«Когда приходят незнакомцы, Они приходят в ваш дом, Они убивают вас всех и говорят: «Мы не виноваты... не виноваты» (фрагмент песни).*

В талантливом исполнении Джамалы некоторые строфы из произведения звучат на крымскотатарском языке, который всегда являлся для этого народа важнейшим фактором национальной идентичности. И, на наш взгляд, Джамале удалось передать зрителям и слушателям всю боль исторической памяти своего многострадального народа. Несмотря на важность этого события исключительно для сферы шоу-бизнеса, некоторые СМИ поспешили перевести победу Джамалы в политическую плоскость. На канале «Россия-24» появился новостной сюжет <https://www.youtube.com/watch?v=2qIKXiYdo6g>, в котором специальный корреспондент Павел Зарубин, констатируя победу Джамалы, акцентирует внимание зрителей на том, что *«россиянин Сергей Лазарев победил по результатам зрительского голосования. Его номер именно зрители по всей Европе назвали лучшим»*. Корреспондент обращается к Филиппу Киркорову с вопросом: *«Это в итоге музыкальный результат или политический, на ваш взгляд?»* Вопрос звучит парадоксально, поскольку известно, что Ф. Киркоров не является политологом или каким-либо иным экспертом в сфере политики. Но здесь наблюдается достаточно интересный феномен диффамации Джамалы: корреспондент не утверждает, что выбор судей был как-то политически мотивирован, а создает тот «нужный» контекст, в котором российский зритель сам должен сделать такой вывод. П.Зарубин продолжает: *«Интернет-аудитория, обсуждающая итоги Евровидения, называет их демонстративно политизированными. Политические вопросы звучат и на пресс-конференции Джамалы. Их задает девушка, представившаяся крымской татаркой: «Сегодня победила Украина, но Джамала – ты крымская татарка, твоя Родина – Крым. Ты бы хотела, чтобы Евровидение прошло в освобожденном Крыму в следующем году?»* Здесь достаточно эксплицитно прослеживаются интенции журналиста, который показывает именно этот фрагмент, где озвучены политические идеологемы в парадигме функционально-семантического поля «Крым». Проблема Крыма, как известно, является камнем преткновения в сегодняшней сложной

геополитической ситуации в фокусе конфликта вокруг Украины. Таким образом, российский телезритель уже подготовлен для того, чтобы его интенциональные состояния можно было направить на политический медиа-дискурс: *«За несколько минут до начала Евровидения наша съемочная группа столкнулась на входе в зал с Мустафой Джемилевым, лидером никем не признанного Меджлиса. Человек, находящийся в России в розыске, поддержавший энергоблокаду Крыма, отключение света, в том числе в крымскотатарских селах, приехал поддержать песню о страданиях крымских татар в 1944 году»*. В результате в этом сюжете П.Зарубина и его коллег, на наш взгляд, нивелируется историческое значение самой темы преследования крымских татар, а победа певицы из Украины уходит на второй или даже третий план. В итоге журналист риторически вопрошает: *«После объявления итогов Евровидения неизбежно возникают очевидные вопросы: Как конкурс проведет страна, у которой дыра в бюджете, на востоке идет война, а в столице регулярные беспорядки?!»*.

Анализ данного фрагмента медиа-дискурса наглядно показывает, как журналисты способны в сознании зрителя и читателя сместить фокус внимания из творческой сферы в политическую плоскость, идеологически выгодную на данный момент, при этом элиминировать в сознании актуализацию проблемного национального фактора (преследование крымских татар).

2.7.1 Антисоветчик, фашист или патриот? (дело Игоря Талькова)

6 октября 1991 года во время концерта в Санкт-Петербурге при загадочных и до конца не выясненных следствием обстоятельствах, выстрелом из револьвера был убит поэт, композитор и певец Игорь Тальков. Следует подчеркнуть, что с тех пор, на протяжении вот уже 20 лет в российских средствах массовой информации общественное внимание пытаются привлечь скорее к выяснению обстоятельств первого скандального убийства в эпоху современного российского шоу-бизнеса, к которому сам

И.Тальков себя не причислял и старался максимально дистанцироваться от своих «коллег-калек» из этой среды. В своей книге «Монолог», изданной посмертно, в главе «Шоу-бизнес или искусство?» сам Игорь Тальков так говорит об этом: Их Бог – достаток, блеск, богатство. Большинство из них, безусловно, далеки от понимания истинного процесса творчества, цель которого – высокое искусство, так же как и сами понятия шоу-бизнес и искусство диаметрально противоположны, хотя и зависимы одно от другого в той или иной степени [Тальков, 2001, с. 35].

Но сразу после гибели И. Талькову был сделан еще «контрольный выстрел»: советские СМИ, как, впрочем, и ранее при жизни поэта, предприняли очередную попытку дискредитации его личности в общественном сознании. Старший брат Игоря, Владимир Тальков, который работал в группе «Спасательный круг» и поддерживал брата, также пишет в своих воспоминаниях об этом: *Газеты тоже не теряли времени даром – они занялись формированием общественного мнения, обливая Игоря грязью с головы до ног. Было объявлено, что Игорь Тальков вступил в драку, оспаривая очередность выхода на сцену. Во время драки был пьян, а в пьяном виде он невменяем* [Талькова, Тальков, 2009, с. 188-189]. Вдова поэта, Татьяна Талькова, с болью вспоминает об этом кощунственном, безнравственном поступке журналистов: *Так называемая «демократическая пресса» («Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Огонек» и уже с ними) в первые же дни после трагедии тщилась представить произошедшее как «мужскую заваруху», «пьяную драку», столкновение амбиций двух «звезд». Не говоря уже о том, что попиралась элементарная этическая норма, принятая человечеством издревле: «De mortuis aut bene, aut nihil», преднамеренно производилась подтасовка фактов, манипулирование ими. Благо, произведенная судмедэкспертиза неопровержимо доказала, что Тальков в день гибели был абсолютно трезв (в крови не было обнаружено ни грамма алкоголя)* [Талькова, 2001, с. 372]. Следует отметить, что до сих пор подобные материалы периодически

публикуются, тексты преимущественно содержат информацию о факте преступления, а не о его других возможных мотивах, которые, как признаются сами следователи, они и не рассматривали. Речь идет о том, что известный певец, явно помешал власть предержащим, воплощая в жизни и творчестве русскую национальную идею. Действительно, творчество И. Талькова кардинально отличалось от того, что другие исполнители делали на сцене. В фильме «Расследования ТВЦ: Преступление без наказания. Убийство Игоря Талькова» (1996) подполковник, старший инспектор по особым поручениям отделения культуры ГУВД Московской области, Владимир Константинович Вышемирский, который был знаком с Игорем Тальковым с 1988 года, рассказывает: *Это настолько серьезное преступление, что, возможно, за ним кто-то стоит. Все выступления Игоря – это анилаг. Ему рукоплескали, его любили. Вы знаете, я даже боюсь, что Игорь мог бы повести за собой огромные массы зрителей, которые ходили на его концерты, потому что он делал на эстраде то, что не делал никто. Он взял на себя просто человеческую смелость, ответственность говорить то и петь то, о чем он думает и то, что ему послал господь Бог. И я считаю - да, за ним бы пошли.* Сам И. Тальков в своих интервью неоднократно подчеркивал, что сцена – его трибуна, и он осознает это не только как поэт, но и, прежде всего, как гражданин. И он боится ее потерять. Говоря о творчестве Игоря Талькова, мы рассматриваем это понятие в самом широком смысле, имея в виду не только стихи и песни, но и материалы его книги «Монолог», интервью. В них четко прослеживается его патриотическая позиция, а также талант и гениальность, благодаря которым, прекрасно владея русским языком, Игорь Тальков вербализует основные постулаты русской национальной идеи. В песни Россия, которую он считал своим манифестом, поэт выразил боль современного молодого поколения от осознания того, что происходило с Россией, начиная с 1917 года:

*Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам.
О, генеральская тетрадь,
Забитой правды возрожденье,
Как тяжело тебя читать
Обманутому поколенью.
Россия!!!*

Тема национальной трагедии, фатальности пути России под руководством КПСС, стала центральной в творчестве И. Талькова. Главный герой его творчества – современник, пытающийся понять, что произошло и происходит с его Родиной:

*Я пробираюсь по осколкам детских грёз
В стране родной,
Где всё как будто происходит невсерьёз
Со мной.
Надо же было так устать,
Дотянуть до возраста Христа, Господи
А вокруг, как на парад,
Вся страна шагает в ад
Широкой поступью.
Родина моя
Скорбна и нема...
Родина моя,
Ты сошла с ума.*

Владимир Тальков так говорит о творчестве младшего брата: *В начале концерта он делал краткий экскурс в историю, чтобы люди настроились на определенный лад и поняли, что происходит на сцене. Он вспоминал времена, когда Россия была мощной державой, вспоминал доблестные подвиги нашего героического народа, давая людям ощутить национальные корни, тем самым доказывая, что русские люди не новый вид человечества, не бездуховная нация, не Иван, не помнящий родства, а Великая нация, имеющая Великое прошлое [Талькова, Тальков, 2009, с. 144].*

В прессе И. Тальков подвергался резкой критике, его обвиняли в конъюнктуре, называли «антисоветчиком», пытались представить поэта как

«врага народа», в стране СССР, где официальная идеология твердила, что народ и партия едины. Но сам Игорь Тальков достаточно мудро объясняет свою творческую позицию в одном из своих интервью (Пенза, 1990): *Что касается термина «антисоветчик» ... Мне часто приходится это слышать, и записки такого рода получаю, и письма получаю. Люди, которые бросаются этим словом, они не задумываются над его значением. Достаточно иметь хотя бы несколько извилин, для того чтобы расшифровать это слово. Я полагаю, что люди, которые не могут его расшифровать, не обладают и этими несколькими. «Антисоветчик» – это человек, который выступает против власти, чего? Советов, да? Против власти Советов народных депутатов. А у нас разве когда-нибудь была власть Советов? На протяжении 72 лет ее не было никогда, И люди, которые не довольны строем, они неправильно обвиняют советскую власть. Советская власть здесь ни при чем, потому что ее не было. На протяжении 72 лет царила партоакратия. Поэтому я не антисоветчик, я – антиаппаратчик. Я наоборот - «советчик», а те, кто меня называет «антисоветчиком», вот, наверно, они «антисоветчики» и есть.*

Популярность И. Талькова, его творчества стремительно росла, на его концерты, которые порой перерастали в митинги, приходили все: от самых юных до пожилых людей, многие партийные функционеры под воздействием его песен сжигали партбилеты прямо на концертах. Советские СМИ продолжали искать любой подходящий случай, что элиминировать образ певца-патриота И. Талькова в массовом общественном сознании. И такая возможность появилась. В мае 1991 года И. Талькова пригласили на презентацию газеты «Память».

Во время выступления И. Талькова были сделаны снимки, в газете «Московские новости» появилась его совместное фото с Д. Васильевым.

И. Талькова пытались представить если не фашистом, то ярким националистом. Его брат, Владимир, так вспоминает об этом: *Игорь был знаком с лидером «Памяти» Д.Д.Васильевым, разделял некоторые его*

взгляды, такие, как возрождение национальных традиций, пробуждение русского национального духа, - вообще всё то, что вмещает в себя понятие патриотизма. Речь идёт не о шовинизме, а об искреннем чувстве национальной гордости, которое должно быть присуще каждому народу: не возвышаться, а гордиться тем, что ты русский, татарин, немец, - гордиться своей нацией. «Память» - широко известная одиозная организация. Сформированное средствами массовой информации общественное мнение гласит, что в неё входят «фашисты», «шовинисты», и Игоря искусственно «внедрили» в их ряды. Эффект превзошёл все ожидания. Перепуганное телевидение сразу закрыло перед Игорем двери, газеты, на радио моментально объявили бойкот, даже телефон дома замолчал [Талькова, Тальков, 2009, с. 177-178].

Будучи в Санкт-Петербурге, перед концертом в «Юбилейном», сам Игорь так говорил о своей позиции: Это была провокация. Коммунисты долго подбирались ко мне, чтобы найти мою ахиллесову пяту, чтобы как-то меня дискредитировать... Я был приглашен на презентацию газеты «Память» в качестве артиста. Я пришел бы на презентацию любой демократической газеты, также, как и на эту, если бы меня пригласили, безусловно. И выступил бы там. Меня попросили показать фрагменты из спектакля «Суд». И когда ко мне подошли, обняли, и сказали пару теплых слов, в это время был сделан снимок. Причем не снимали никого, сняли почему-то только меня, хотя там была еще масса артистов. И на следующий день появилась в печати эта фотография и интервью Васильева, что я якобы член общества «Память». У меня замолчал на неделю сразу, у меня оборвались все гастроли. И я стал предпринимать какие-то попытки, что как-то реабилитировать себя, но практически все центральные газеты московские отказались писать мое опровержение. Из чего я сделал вывод, что это был какой-то заговор.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русская национальная идея была квинтэссенцией в поэзии Игоря Талькова, его жизнь и творчество

были настолько тесно переплетены друг с другом, что возможно, и явились причиной такого трагического финала. Но все вышесказанное и проанализированное побуждает к мысли, что мотив убийства гениального поэта на рубеже веков не сводился исключительно к скандалу из-за нарушенного порядка выступления. Несмотря на то, что со дня гибели поэта минуло более четверти века, на российском ТВ не было показано ни одной передачи, ни одного документального фильма, которые бы были посвящены его колоссальному творческому наследию.

Особое место, конечно, занимает его автобиографическая книга «Монолог», написанная при жизни, но изданная уже после гибели поэта. В ней И.В. Тальков открывается читателям с несколько необычной стороны, а именно как мыслитель, которые сквозь призму таких тем, как любовь, творчество, политика, экология и другие пытается постичь то, что происходит с его родиной – Россией к концу XX века. Он пишет: *Я стал подбирать материалы, документы, высказывания знаменитых философов; совокупируя все это и, пропуская через себя, я вырабатывал собственную концепцию в отношении той эпохи, в которую нам суждено было родиться, — эпохи зла, насилия и тотальной деградации* [Тальков, 2001, с.7].

Как творческая личность и человек православный И.В. Тальков рассматривает любовь как жизненную основу и ключевой стимул в жизнедеятельности человека: *Любовь — это принцип существования всего сущего на Земле. Ради нее и во имя ее рушатся и возрождаются государства, системы, миры, совершаются войны, люди становятся либо отпетыми негодяями, либо святыми... Любовь — это стимул жизни, вечный поиск, единственная возможность роста и совершенствования* [Тальков, 2001, с.29, 31]. Еще при жизни И.В. Талькова настоящими хитами стали такие его лирические произведения, как «Летний дождь», «Моя любовь», «Память» и многие другие песни, снискавшие всенародное признание.

Вдова И. Талькова, Татьяна Ивановна так пишет о творчестве этого человека: *«А ведь вначале я не понимала ничего, но когда, наконец, наступило прозрение, и я начала понимать твой язык, то он был не только красив, интересен, но и глубок. И вот этот глубинный смысл твоих слов проник в меня, я стала ощущать все движения твоей мечущейся, мужественной, правдивой души. Но к этому был долгий путь. Я должна была подрасти, подняться до твоего уровня. Из всех сил старалась я это сделать. В первые годы было безумно сложно, трудно. Когда же я поняла до конца кто ты, мне стало одновременно и легко, и тяжело, потому что теперь я чувствовала тебя, понимала, почему ты так страдаешь, мучаешься, бьешься. Мне хотелось кричать, доказать всем, какой ты талантливый, какой ты гениальный»* [Талькова, 2006, с.115].

В качестве резюме вышесказанного можно привести слова друга и соратника Игоря Талькова, Владислав Черняев в своих воспоминаниях также затрагивает темы попыток посмертной дискредитации поэта, певца и композитора: *Сейчас иногда можно услышать: «Тальков ушел из жизни, потому что пил, употреблял наркотики» Неправда. Темп, в котором Игорь жил и работал, не выдержал бы ни один наркоман и алкоголик* [Черняев, 2006, с.107].

2.7.2. Известный музыкант – бандеровец? (дело Андрея Макаревича)

Как известно, средства массово информации выполняют идеологическую и политическую функции. Как справедливо подчеркивает В.В. Варченко, СМИ не только создают образы и мифы, но и закрепляют их в сознании аудитории определёнными информационными сообщениями, теми или иными способами подачи материала, навязывания стереотипов и т.д. [Варченко, 2012, с.5]. В фокусе интерпретации термина «миф» автор данной монографии опирается на точку зрения А.А. Даниловой, которая под мифами понимает устойчивые вербальные конструкции, основанные на ложном положении или на положении, нуждающемся в обосновании, и

претендующие на статус истинного суждения [Данилова, 2011, С.112]. Она подчеркивает: «Мифы закрепляясь в индивидуальном сознании оказывают воздействие на картину мира человека тем самым на их основе проводится концептуализация мира разделение его на позитивные и негативные категории» [Данилова, 2011, С.113].

В 2014 году на канале НТВ выходит фильм «13 друзей хунты» в рубрике «Профессия: репортер» (<https://www.ntv.ru/video/969380/>). Авторами фильма, которые на это раз вообще пожелали остаться анонимными, была предпринята попытка дискредитации Андрея Макаревича и других артистов и общественных деятелей. В очередной раз использовалась уже отработанная пропагандистская технология называемых фильмов-расследований. Не случайным оказалось и использование числа 13 – в российской культуре эта цифра ассоциируется с силами Зла, несчастьями, чертовой дюжиной и т.д. Да и если внимательно посмотреть фильм, мы не найдем там 13 человек, всего лишь восемь или девять от силы.

Здесь нам представляется важным проанализировать механизм манипулятивного воздействия, которое планируется оказать на телеаудиторию. Следует отметить, что из всего объема информации зритель воспринимает и «записывает» только определенную порцию. И для такого восприятия его нужно подготовить. Здесь необходимо своего рода вступление, пролог, основным назначением которого является формирование своего рода интерпретационного фарватера, по которому и будет идти ведомый, т.е. реципиент (зритель и/или слушатель). И такой фарватер создается: в самом начале фильма звучит голос ведущего за кадром: *«В небольшом зале Святогорска анилаг. Одинокий исполнитель что-то вполголоса поет на сцене. Но слушают только первые ряды. Это как раз тот случай, когда важна не музыка и даже не текст, а сам факт выступления. А.Макаревич для украинской армии что-то вроде трофея, которым можно хвастаться перед единомышленниками. Оказывается, российские музыканты тоже поддерживают хунту»*. В зону карательной

операции представители национальной гвардии не пускают даже журналистов, но для Макаревича сделали исключение. Известный певец, о творчестве которого начали забывать на Родине, в одночасье вознесся на вершину украинских хит-парадов. Один единственный концерт с политически выверенным репертуаром вновь заставил всех говорить о его творчестве». Уже здесь А. Макаревич предстает в роли человека, который, якобы для поднятия своего рейтинга готов пойти на все – даже на то, чтобы поддержать «хунту» и выступить в «зоне карательной операции». Но при внимательном просмотре записи относительно недолгого концерта А. Макаревича, полную версию которого без труда можно найти в Интернете (<http://www.youtube.com/watch?v=R1sjOQjMaRI> «Андрей Макаревич в Святогорске 12.08.2014.г») карателей не видно, в зале сидят обычные люди, значительная часть их которых – дети и подростки, которые радушно встречают любимого музыканта, слушают любимые песни и аплодируют ему.

Но определенный формат для дальнейшей подачи информации уже задан. Телезритель несколько удивлен, обескуражен, в голове проносятся мысли: *«Как так, Андрей Макаревич и выступает в зоне карательной операции?»* Конечно, лексема «каратель» является здесь ключевой – это своего рода снятие оружия с предохранителя. В национальном сознании телезрителей сразу возникают образы предателей Родины, которые в годы войны перешли на сторону фашистов, стали полицаями и карателями. Но не успевает телезритель прийти в себя, осмыслить услышанное и увиденное, как авторы фильма подключают «тяжелую артиллерию». Голос ведущего зловеще продолжает: *«Именно в этот момент 12 августа в 19.00 одновременно с первыми аккордами Макаревича украинская армия начала интенсивный обстрел городов на юго-востоке. В одном только Луганске три человека погибли и 28 получили ранения. В Горловке бомбы сыпались на химический завод «Стирол», поставив под угрозу жизни всех горожан без исключения. От поселка Степановка осталась только точка на карте.*

Физически этого населенного пункта теперь не существует. А в 60 км от кровавой бойни каратели рукоплескали своему кумиру».

Здесь использован очень тонкий прием суггестии – необходимо создать у зрителя образ синхронных действий, чтобы он поверил, что начало концерта Макаревича и обстрела городов на юго-востоке – действия согласованные. Такой прием воздействует на подсознание практически со стопроцентным эффектом. Очень точно по этому поводу свою научную точку зрения, на наш взгляд, зрения высказала Елена Теодоровна Соколова, профессор кафедры нейро- и патопсихологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук в своем интервью журналисту «Новой газеты» так говорит об этом: «Во владении этими сильнейшими средствами манипуляций – презрение, унижение, дискредитация – телеканал НТВ, с моей точки зрения, вполне может занять призовое место. Апофеоз этого направления – скандальная передача «13 друзей хунты». Там, например, звучит закадровый текст: *«В то время как с первыми аккордами гитары Макаревича...»* Здесь не нужно даже трудиться, искать специальные технологии, авторы этого шедевра просто взяли все, что было наработано советской пропагандой: *«В то время как весь советский народ... эти враги...»* Но как они это использовали? Вот в кадре раздаются первые аккорды гитары, а следующим кадром идут взрывы, порушенные дома Донецка и Луганска, трупы. Всё! Образ любимого когда-то Макаревича демонизирован до абсолютного зла, всякое положительное отношение к нему должно быть таким приемом уничтожен».

Но авторы фильма идут дальше и для того, чтобы закрепить в нашем сознании образ предателя А.Макаревича, обращаются к известным артистам, политологам и др. Вполне не случайно показывают известных артистов, работающих в народном жанре шансона – Вадима и Вику Цыганову, песни которых ассоциируются у большинства зрителей с истинно патриотической русской тематикой. И вот Вадим Цыганов, сурово глядя в экран, выносит вердикт А. Макаревичу, при этом, не постеснявшись предать его анафеме от

своего лица, и за всех русских людей (интересно, кто ему дал такое право? – *примечание мое*), записывая артиста в предатели. *«В тот день, когда он делал свой концерт на костях, в этот же день разгромили, полностью стерли с земли несколько пригородов Луганска. Я сказал, случайностей не бывает. Человек уже никогда не отмажется, и в душах русский людей он будет абсолютным предателем. Абсолютным предателем».* Выражение «абсолютным предателем» В.Цыганов произносит два раза, словно делая своего рода «контрольный выстрел» в «предателя» А. Макаревича.

Далее следуют пространные комментарии ведущего: *«В России поступок Макаревича, мягко говоря, вызвал недоумение даже у большинства поклонников «Машины времени». Непонятно казалось, зачем вообще Макаревич решил выступить со своей политической позицией? Ведь до этого момента его не интересовало ничего, кроме музыки».* Нужно сказать, что и в этих последующих рассуждениях нет ни малейшей доли правды, сплошные вымысел или ложь. А.Макаревич, и это видно в записи концерта, не озвучивал никакой политической позиции.

Далее ведущий фильма пытается внушить нам, что до событий в Украине А.Макаревича вообще не интересовала общественная или политическая жизнь: *Музыкант пропустил время лихих 90-х, предпочитая не высказываться, предпочитая не высказываться публично ни о чем, кроме творчества и кулинарии.*

С уверенностью можно сказать, что это ложь и клевета. 20 августа 1991 года, в дни августовского путча, «Машина времени» выступала на баррикадах перед защитниками российского Белого дома, за что впоследствии все участники группы были удостоены медали «Защитнику свободной России». В 1996 году Макаревич и «Машина времени» приняли участие в предвыборной кампании «Голосуй или проиграешь» в поддержку на выборах президента России Бориса Ельцина.

После ведущий фильма озвучивает вообще достаточно нелепую фразу: *Промолчал, когда делили Югославию.* Здесь, честно говоря, непонятно

вообще, кто ее делил и почему именно А.Макаревич должен был что-то говорить по этому поводу.

Далее ведущий, словно незаметно подбирается к самому больному – теме Родины: *Даже сложности на исторической родине не дали ему повода выступить с заявлением.* Какие сложности, и с каким именно заявлением – тоже не совсем ясно, мягко говоря. А если не мягко – совсем не ясно. Но и это полная неправда. Всем известно, что А.Макаревич в свое время поддержал приход к власти Д.Медведева, в составе «Машины времени» участвовал в честь завершения выборов президента России 2008 года. А позднее с другими музыкантами лично встречался с Д.А. Медведевым лично. Но в то же самое время, в 2010 году он подписал письмо к президенту РФ Дмитрию Медведеву с призывом о справедливом разбирательстве дела Михаила Ходорковского.

И здесь диктор ставит точку: *И только во время карательной операции на юго-востоке Андрея Макаревича посетила муза, только не поэтическая, а политическая.* Далее ведущим предпринимается неудачная попытка разоблачения мотива наживы: *Среди бывших поклонников нашлись и те, кто связал эти события с тем, что солист «Машины времени» внезапно получать грант от государства, речь, по некоторым данным, шла о сумме, около миллиона долларов год.* Справедливости ради нужно сказать, что не совсем понятно, о каких грантах может идти речь, если основной доход музыканта – это концертная деятельность и издание дисков.

Авторы фильма используют достаточно тонкий прием – интервью с различными известными людьми, которых позиционируют как экспертов. Надо сказать, что при этом оказывается колоссальное манипулятивное воздействие на аудиторию – здесь ставится задача с помощью трансляции мнения так называемых «экспертов» вызвать доверие со стороны реципиента и убедить его во всей серьезности происходящего. Вот выступает Михаил Делягин: *«Когда деятели культуры начинают вылизывать филейные части, по тем или иным причинам...Ну, согласитесь, какая разница, какие филейные*

части вылизывать? Есть люди, у которых убеждения, а есть люди – у которых есть кошелек. И какие бы красивые слова не говорил господин Макаревич, но, выступив перед нацистами, которые убивают людей и, поклявшись им в верности, ну, он стал немножечко по другую сторону Добра и Зла». Конечно, Михаил Геннадьевич имеет право на свою точку зрения, но его суждения абсолютно не соответствуют действительности – А. Макаревич не выступал перед нацистами.

Но ведущий не дает телезрителю опомниться: «Депутат Евгений Федоров даже предложил Макаревичу сдать орден за заслуги перед Отечеством. Многолетнее сотрудничество с фашистами парламентарий считает достаточной причиной, чтобы лишить артиста государственных наград». И это высказывание, конечно, также является ложным. Но депутат Евгений Федоров, говоря о А. Макаревиче, на экране чувствует себя не иначе как гособвинителем на НТВ-шном своего рода Нюрнбергском процессе: «Он поддерживает убийство русских людей, наших соотечественников. Это - наши соотечественники, это... там наши русские люди. Их убивают. Позиция России – против убийства. Позиция России – против фашизма. А он вместе с фашистами, вместе с убийцами участвует в спецоперации по реабилитации этих убийц и фашистов. В этом его антироссийская позиция. В статусе о наградах сказано, что за выдающиеся заслуге перед Отечеством. У него сейчас есть выдающиеся заслуги против Отечества, выдающиеся заслуги в служении врагам российского Отечества и сотрудничестве с ними».

Затем следует достаточно пространный комментарий писателя Ф. Раззакова, коммуникативная функция которого не вполне ясна: Как он выразился в марте этого года, когда ходил на Марш за мир, по поводу украинских событий...Он говорил: «С этим народом невозможно ничего сделать...» То есть это совок конкретно, уже законченный...

Необходимо отметить, что ведущий этого фильм, голос которого мы слышим, ни разу не появляется на телеэкране, но перед зрителем в

бесперебойном режиме появляются «эксперты». Если внимательно смотреть фильм, то мы увидим, что в нем нет пауз вообще. И здесь вновь согласимся с Еленой Теодоровной Соколовой: *Как вычленишь манипуляцию? Это когда говорят быстро – нет пауз. Там, где нет пауз, нет места для размышления. Речь идет сплошным потоком, истерически-пафосная, с многократно повторяющейся человеконенавистнической лексикой, она топит вас в эмоциях отчаяния, страха и агрессии. Вы целиком и полностью во власти говорящего. Это в принципе военные стратегии: вы не должны размышлять, вы слышите команду «Пли!» и где-то в социальных сетях уже расстреливаете того, на кого вам указали.*

Сам А.Макаревич во время всей этой кампании, направленной на его отравлю, вел себя более, чем достойно и спокойно, выступив 15 августа 2014 года в программе «Особое мнение» на «Эхо Москвы» *«Я давал концерт в Святогорске, это километров 20 от города, это монастырь необыкновенно красивый, старинный, четвертая святыня Украины. И вокруг монастыря есть пионерлагеря, какие-то дома отдыха. Тем не менее, содержится около 20 тысяч беженцев из Донецка, Луганска. Вот там они содержатся хорошо, я не могу ничего говорить относительно других лагерей. Я боялся увидеть каких-то обездоленных, голодающих, лишенных воды людей. Нет, этого я не увидел, может быть, в других местах обстановка хуже. Ко мне, вообще, дети пришли на концерт. Я считаю, что выяснять свое отношение к беженцам в зависимости от того, на какой территории они находятся – это подлость. Вот если они убежали к нам, то это «хорошие» беженцы, а если они от этой же войны из того же Донецка убежали в Харьков – это «плохие» беженцы. Ну, простите меня, тут я не могу даже это комментировать.*

В который раз подчеркнем, что у этого своего рода фильма-расследования нет автора. При этом многие исследователи справедливо подчеркивают, что интенциональность речевой деятельности журналиста

представляется важной категорией, которая формирует смысловую структуру текста, определяющую своеобразие поверхностно-речевой ткани.

Интенциональность в масс-медиа включает две стороны – интенциональность, детерминируемую традицией употребления в той или иной профессиональной сфере общения, и интенциональность, определяемую самим творцом [Дускаева, 2012, с.10].

Другой ученый, Т.А. Ленкова, также указывает на важную роль автора как стилеобразующей категории, поскольку автор является важнейшей стилеобразующей категорией текста, который выполняя социальный заказ, сам остается человеком частным, живым человеком, а не роботом, и творит он для живых людей, а это неизбежно влечет за собой субъективные оценки, эмоции, которые не могут не проявиться в речи автора [Ленкова, 2011, с.62-63].

2.7.3. Как «убить» Народного губернатора? (дело Михаила Евдокимова)\

Выдвижение М.С. Евдокимовым своей кандидатуры на пост губернатора Алтайского края в феврале 2004 года стало одним из главных событий политической жизни этого региона, и ознаменовалось началом информационной войны, развернувшейся со стороны региональных СМИ против М.С. Евдокимова во время предвыборной борьбы.

Показательными в этом смысле являются публицистические тексты в газете «Алтайская правда», которая является одним из ведущих изданий краевой прессы.

Так, в №68 от 11.03.2004 была опубликована статья В. Никулина, одного из кандидатов на должность главы администрации края, под названием «Что будет, если победит Евдокимов?», где автор утверждает, что при Евдокимове <...> *надо будет сразу забыть о газификации края.* <...> В. Никулин подчеркивает, что освоение денег, выделенных на газификацию, начинается под гарантии губернатора и подводит итог: <...>. ***Естественно,***

Евдокимову "Газпром" ничего не обязан и не будет вкладывать огромные деньги под гарантии юмориста [Никулин, 2004].

С самого начала было очевидно, что прежний губернатор, Александр Суриков не рассматривал Михаила Евдокимова в роли серьезного оппонента, но результаты первого тура выборов, состоявшегося 14 марта 2004 года, заставили власть предрержащих иначе оценить ситуацию: А. Суриков получил 47,46% голосов, в то время Михаила Евдокимова поддержали 39,39% избирателей.

В статье «У Алтая выбор был больше, чем у России» (№73 от 16.03.2004), где подробно освещался ход выборов, журналисты в завершении подчеркивают: <...> *...где и как провел Евдокимов день 14 марта, точно неизвестно. Разве что был замечен на телеэкране в привычном амплуа юмориста* [Тепляков, Токмаков, Каспришин, Башлычев, 2004].

Главному оппоненту М.С. Евдокимову, действующему на тот момент губернатору А.А. Сурикову, «Алтайская правда» многократно предоставляла возможность обратиться к избирателям, в то время как М.С. Евдокимову только один раз. В №74 от 17.03.2004 было опубликовано интервью, в котором А.А. Суриков на вопрос журналистов, представляет ли он Михаила Евдокимова в роли губернатора, сказал: <...> *«Я думаю, что у него есть любимая профессия, которую просто так не бросишь. А есть ли у него для губернаторства необходимые профессиональные навыки, - это вопрос»* [Микуров, Каспришин, 2004]. В этом же номере «Алтайской правды», редактором отдела писем и социальных проблем Г. Поповой были опубликованы материалы под названием «Что нам писали читатели перед выборами», где она ссылается на письмо жителей с. Рогозиха Павловского района, в котором они пишут: <...> *Господин Евдокимов смешил бы москвичей с подмоетков.* <...>, а также был приведен отрывок из письма представителей краевого Совета женщин <...> *... Ну, конечно же, смех вызвал властный зуд нашего земляка-юмориста-банищика Михаила Евдокимова.* <...> [Попова, 2004].

Таким образом, в региональных СМИ «красной нитью» проходил вопрос: Как артист-пародист и юморист М. С. Евдокимов может выдвигать свою кандидатуру на пост губернатора? По нашему убеждению, именно это сфера деятельности М.С. Евдокимова намеренно была актуализирована в прессе, чтобы в общественном сознании сформировать главную мысль – шут не может быть царем.

Рассматривая текст как форму материализации социальных знаний, закрепленных в значениях слов, нам представляется необходимым обратиться к Словарю русского языка С. И. Ожегова и Современной версии толкового словаря русского языка В. И. Даля. На наш взгляд, в них зафиксированы национальные черты норм современного литературного русского языка.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова находим следующее определение слова «шут»:

ШУТ, -а, м. 1. В старину: лицо при барском доме или при дворце, развлекавшее забавными выходками господ и гостей. 2. Комический персонаж в балаганных представлениях, паяц. 3. перен. Тот, кто балагурит на потеху другим [Ожегов, 1990, с.783].

Современная версия толкового словаря русского языка В. И. Даля представляет толкование этого слова:

ШУТ м., шутиха ж. – человек, промышляющий шутовством, шутками, остротами и дурачеством, на смех и потеху людям, шут обычно прикидывается дурачком, напускает на себя дурь и чудит, и острит под этой личиной [Даль, 2004, с. 726]. Опираясь на эти словари, нами были проанализированы толкования следующих слов: «шут», «артист», «пародист». Проведенный сравнительный анализ данных понятий позволяет сделать вывод о том, что структуры фреймов «шут» и «артист-пародист» содержат общие слоты, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика общих слотов в структурах фреймов «артист-юморист» и «шут»

СЛОТ \ ФРЕЙМ	АРТИСТ-ЮМОРИСТ	ШУТ
Деятельность, ремесло	автор пародий, юмористических произведений	человек, промышленяющий шутовством, шутками, остротами и дурачеством
Выступает на публике	занимается публичным исполнением произведений искусства	при барском доме, дворце, в балаганных представлениях
Вызывает смех	выступает с сатирическими произведениями	балагурит на потеху другим
Изображает кого-л.	комическое или сатирическое подражание кому-либо	прикидывается дурачком, напускает на себя дурь

Поскольку в данных словарных толкованиях заключены значения, отражающие черты национального сознания, считаем необходимым подчеркнуть, что политтехнологами намеренно использовалось такое соположение данных фреймов в текстах СМИ. Как справедливо замечает С.А. Кузнецов, вместе с кодифицированной знаковой информацией, употребление слова в речи несет и разнообразные дополнительные сведения, обусловленные не языковыми значениями, а знаниями мира. Объектом лингвистической экспертизы должно быть слово, а не факт, поэтому необходимо строго разграничивать мнение автора о самом человеке, о его личности и мнение автора о фактах, которые связаны с личностью [Кузнецов 2003, с.101-102].

Как известно, артистическая деятельность М.С. Евдокимова не ограничивалась пародиями, а была достаточно многогранной. На экране он воплощал образ простого труженика села, который сталкивается с реалиями жизни постсоветской России – спивающейся деревней, нищетой и беспомощностью простых людей, взяточничеством чиновников. Его герои, а

именно сельский механизатор Фома («Про бизнесмена Фому»), кузнец Филимон («Не валяй дурака») и фермер Иван («Не послать ли нам гонца?») нередко попадают в комичные ситуации, но всегда искренне стремятся помочь землякам, восстановить справедливость. Такие «чудики» часто встречаются в произведениях В.М. Шукшина, перед творчеством которого М.С. Евдокимов преклонялся.

Поэтому оппонентам М.С. Евдокимова было крайне необходимо элиминировать в сознании избирателей этот образ национального героя, близкого по духу своим землякам. По приглашению А.А. Сурикова, на Алтай Лидия Федосеева-Шукшина и ее дочь Мария. 30 марта 2004 года в газете «Алтайская правда» появилась статья «На Алтае Шукшиным всегда рады» (№73 от 16.03.2004), в которой сообщалось: *«25 марта в Барнауле, в концертно-развлекательном комплексе «Мир» Лидия и Мария Шукшины встретились с барнаульцами. Шукшины приехали в Барнаул согласовать планы традиционного Шукшинского фестиваля»* [Сохарева, Башлычев, 2004]. Но на встрече речь шла не только о В.М. Шукшине. В местных новостях был показан видеосюжет, где Лидия Федосеева-Шукшина с пренебрежением отозвалась о М. Евдокимове и выразила сомнение, что ему стоит идти в губернаторы, и выразила надежду, и посоветовала ему заниматься своей прежней деятельностью.

Популярность и любовь в народе М.С. Евдокимов заслужил не только благодаря пародиям и выступлениям в качестве юмориста, но и талантливым, проникновенным исполнением народных, патриотических песен, в значительной степени посвященных жителям Алтая. И здесь некоторые коллеги по цеху не заставили себя долго ждать и оказали колоссальную «поддержку» потенциальному губернатору. В «Алтайской правде» (№ 89 от 31.03.2004) появилась заметка под названием «Звезды выступят на Алтае»: *«31 марта в 18.00 в барнаульском Дворце зрелищ и спорта состоится благотворительный концерт «Звезды российской эстрады – детям Алтая». Его организатор - Российский детский фонд и его Алтайское отделение. В*

концерте примут участие Иосиф Кобзон, Давид Тухманов, Надежда Бабкина и ансамбль "Русская песня", пианист Леон Аганезов, артист эстрады Ян Арлазоров. Стоимость билета 100 рублей. Средства от концерта будут направлены на помощь талантливым детям, детям-инвалидам и детям-сиротам».

Но в этом же номере, в рубрике «Намедни» появилась статья «Надежда Бабкина недоумекает», где был представлен следующий текст: «Михаил Евдокимов - талантливый артист, но его политических амбиций я не разделяю, - сказала Надежда Георгиевна. - Когда я узнала, что он идет в губернаторы, то расценила это как **шутку, розыгрыш**, у меня даже не было мысли, что это настолько серьезно. По моему мнению, политиком должен заниматься человек с большим опытом хозяйственной и организационной работы, профессионал в своем деле. Это колоссальная ответственность за людей, за край, за свои поступки и шаги, и я не понимаю, как можно так легкомысленно браться не за свое дело? Мне кажется, за Евдокимовым стоят определенные силы, и он несамостоятельно принимает решения. В этой ситуации, я думаю, что Михаил не прав, и не понимаю его действий. Так в результате можно получить «смех сквозь слезы».

Таким образом, в публицистических текстах «Алтайской правды» воссоздавался неполный образ М.С. Евдокимова, когда журналисты или известные люди намеренно опускали информацию о нем определенные сведения, необходимые реципиенту. В этом процессе могут возникать намеренные и ненамеренные деформации.

Так, у журналиста может быть неадекватный (неполный, например) образ события. Далее, он может быть неадекватно «переведен» в текст. Далее, текст может быть непригодным для правильного восстановления реципиентом образа события: например, в нем могут быть опущены сведения, необходимые реципиенту [Понятие чести, достоинства и деловой репутации, 2004, с. 52].

Как следствие, читатель не получал полного представления об образе М.С. Евдокимова. Картину такого неполного образа М. С. Евдокимова можно схематично представить в таблице 2.

Таблица 2. Степень актуализации слотов в структуре фрейма «М. С. Евдокимов»

Слот	Экстралингвистические знания	Степень актуализации в СМИ
Артист эстрады, юморист, пародист	Участник телевизионной программы «Аншлаг», директор ООО «Театр Евдокимова»	Актуализируется
Актер кино	«Воспоминание о коровьем марше», «Про бизнесмена Фому», «Не хочу жениться», «Не валяй дурака», «Не послать ли нам гонца?», «Старые клячи»	Нейтрализуется
Телеведущий авторских программ	Авторские передачи «С легким паром!» («Первый канал»), «Михаил Евдокимов в кругу друзей» («Россия»), «Не скуЧАЙ» («Россия»), «Надо жить» (ТВЦ)	Актуализируется
Исполнитель песен народной тематики	Альбомы «Земляки», «Отвяжись, худая жизнь», «Надо жить!», «Я вернусь...»	Нейтрализуется
Меценат	Финансовая поддержка родного села Верх-Обское и помощь отдельным людям	Элиминируется

Что касается деятельности М. С. Евдокимова как мецената, то об этом не было информации нигде. В беседе с известным алтайским писателем Василием Павловичем Морозовым, М. С. Евдокимов говорил: «Скажу

большее, правда, никто об этом не говорит. Извините, что поделюсь секретом, приобретение спортивных форм, мячей, сеток на ворота, газоновую косилку для стрижки газонов, краска для ограждения стадиона – это все приобретено на мои личные сбережения...» [Морозов, 2008, с.171].

Близкий друг М. С. Евдокимова, актер Александр Яковлевич Михайлов так рассказывает писателю Василию Морозову об этом: *«Мощным художником в жизни был Миша Евдокимов. Сильный духом. Красивый человек. Но видел его и в другие минуты, когда ему было больно и тяжело от бед, сквозь которые бредет наш измученный до последнего предела народ. Чувствуя чужую боль как собственную, он **асфальтировал дороги в своей деревне. Покупал машины и трактора, чтобы было на чем пахать заброшенные поля. И все это на свои деньги. Мало кто сегодня способен на такое»** [Морозов, 2008, с. 264-265].*

Итак, шокированный результатами выборов, А.Суриков неожиданно для жителей Алтайского края признает значительные промахи в работе администрации, и пришел к выводу: что *<...> **наш народ и власть** готовы к переменам <...>. Я сделаю все, чтобы **наш** край развивался... <...> За последние годы сделано много полезного для края. Однако **мы** не должны останавливаться на достигнутом* [Суриков, 2004]. В тексте данного обращения благодаря притяжательному местоимению *наш*, местоимению *мы*, мифологеме *народ и власть*, и другим языковым средствам происходит экспликация интегративной функции, в результате актуализируется квантор всеобщности как идеологически ориентированное понятие.

А. Суриков торжественно обещает добиться увеличения средней зарплаты, строительства современных школ и больниц, снижения цен на услуги ЖКХ и сокращения численности административного аппарата, и, наконец, подводит главный итог: *<...> Я дал себе слово сорвать **преступные планы разграбления** Алтая московскими **олигархами**. К сожалению, эта угроза стала реальной. **Олигархами** разработан план захвата природных ресурсов, промышленного потенциала Алтайского края через **приход к***

власти зависимого от них губернатора. На эту роль подобран известный эстрадный артист. В его раскрутку олигархами вложены огромные деньги. Но я уверен: народ не обманешь. Сегодня я обещаю избирателям: пока буду главой администрации, московские олигархи край не поработят! Вместе защитим Алтай от олигархов, добьемся лучшей жизни на нашей земле!» [Суриков, 2004]. Идеологема «олигархи» только в представленном фрагменте публицистического дискурса повторяется в как своеобразный рефрен пять раз. В.М. Амиров справедливо замечает, что идеологема как ключевая единица рекламной схемы агитационного сверхтекста, воплощается в группе слов, которые и можно рассматривать как варианты одной идеологемы [Амиров, 2002, с.35]. Так идеологема «олигархи» может иметь следующие варианты: «преступные планы разграбления», «угроза», «захват», «приход к власти зависимого от них губернатора». На магистралях Алтайского края и улицах города Барнаула словно часовые выстроились билборды с надписями: **«Останови вторжение. Приди, проголосуй и защити Алтай! 4 апреля»** (см. рис.1).

*Рис. 1 Предвыборный билборд против М.Евдокимова.
Барнаул, проспект В. И. Ленина, март 2004*

В своем открытом письме к А. Сурикову М. С. Евдокимов обратился к нему с просьбой: *«Если Вам действительно что-то известно о «московских олигархах», от которых Вы собираетесь защищать родной край, так не стесняйтесь – сообщите, кто эти странные люди и что именно они пытаются «захватить». Если есть ко мне вопросы – спрашивайте, не стесняйтесь».*

Императивы «Останови вторжение» и «Приди, проголосуй и защити Алтай!» не просто имплицитно содержат призыв голосовать за позиционируемого субъекта (А.Сурикова) и не отдавать голоса контрагенту (М.Евдокимову), но что более важно, апеллируют к исторической памяти народа как основы ментальных процессов коллективной интенциональности, призывая объединяться. Мифологема «вторжение» в данном случае усиливает этот призыв и актуализирует исторический опыт в языковой картине мира и национальном сознании носителей русского языка. Таким образом, в предвыборных публицистических текстах региональных СМИ, как правило, воссоздается неполный образ в отношении нежелательного политического оппонента, а также могут использоваться идеологемы, мифологемы и императивы с целью создания образа «врага» в сознании электората. Такая мифологизированная картина мира (термин В.М. Амирова) замещает в сознании адресата реальность, детерминирует ментальные процессы в сознании представителей определенной языковой общности и побуждают проголосовать за «правильного» кандидата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема дискредитации известной творческой личности в медиа-дискурсе не только является актуальной для современного общества в обыденном сознании, но и представляет собой значительный научный интерес в фокусе междисциплинарных исследований. Междисциплинарный подход, разработанный нами преимущественно на стыке философии и когнитивной лингвистики, подразумевает анализ текстов СМИ как фрагментов медиа-дискурса и базируется на исследовании феномена интенционального значения. Интенциональность трактуется как основополагающая структура сознания, включающая в себя комплекс ментальных состояний, направленных на объекты и положения дел в мире. Интенциональные состояния характеризуют личность как интенциональную систему высшего порядка: они выражают предметную направленность переживаний сознания человека как субъекта познания и носителя языка, и соотносят эти переживания с предметами опыта. Социальная природа интенциональных состояний заключается, прежде всего, в том, что их существование возможно исключительно при условии участия личности в социальных практиках, что объясняет интенциональный характер поведения человека, навыки которого он приобретает в процессе онто- и филогенеза в рамках сознательной жизнедеятельности в социуме. Таким образом, интенциональность выражает предметную направленность переживаний сознания человека и понимается как смыслообразующая величина: посредством вербализованного интенционального акта носитель языка придает определенное значение объективной действительности.

На основе разработанного междисциплинарного подхода становится возможным анализировать текст СМИ в качестве фрагмента медиа-дискурса, представляющего собой особый способ материализации социальных запасов знаний. Знания определяются как все виды значений, с помощью которых представители данной языковой общности истолковывают окружающую их объективную действительность и приписывают ей определенные значения. В

качестве единицы анализа текста СМИ выступает сверхфразовое единство, как совокупность высказываний, состоящих из цепочки взаимосвязанных предложений, объединенных вокруг одной темы. Оно представляет собой вербализуемый в медиа-тексте интенциональный акт, который эксплицирует определенное пропозициональное содержание, являющееся объектом интенционального состояния. Данный интенциональный акт устанавливает связь между интенциональным состоянием и интенциональным объектом. Пропозициональное содержание, в качестве необходимого условия наличия интенциональных состояний личности, актуализируется дискурсивными событиями, отражающими фрагмент социальной практики языковой общности на определенном этапе ее исторического развития. Дискурсивные события маркируются в тексте СМИ лексическими единицами, значения которых имеют внешнеязыковую соотнесенность.

Текст СМИ как фрагмент медиа-дискурса, являясь особым способом материализации социальных запасов знаний, выступает в качестве глобального языкового знака, получающего на определенном этапе исторического развития языковой общности актуальное в данный момент интенциональное значение. Более того, в медиа-тексте может быть вербализовано не только определенное интенциональное состояние автора как представителя данного социума и носителя языка, но интенциональное состояние целой нации.

Интенциональное значение, которое формируется в тексте СМИ как фрагменте медиа-дискурса, представляет собой онтологически важное связующее звено в соотношении категорий индивидуального и социального. Оно не принадлежит исключительно субъекту высказывания, формируется не только автором текста, но и всей социальной практикой. Денотатом интенционального значения является интенциональный предмет, который потенциально может быть представлен в сознании носителя языка множеством интенциональных содержаний (значений), но актуально, только одним на данном этапе исторического развития языковой общности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли) / С.Л. Абрамович. – Ленинград, 1989.
2. Алмаев, Н.А. Интенциональные структуры естественного языка: Экспериментальное исследование / Н.А. Алмаев // Психологический журнал. – 1998. – Т.19. – №5.
3. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах в языкознании / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – №3.
4. Альмяшев, В.Е., Барбашов В.П. Проблемы дефиниции понятия «общественный интерес» в юридической практике / В.Е. Альмяшев, В.П. Барбашов // Инновационные процессы в науке и технике XXI века: Материалы XV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, учёных, педагогических работников и специалистов-практиков (Нижевартовск, 21 апреля 2017 г.) / Ответственный редактор О.Н. Дроконова. – Тюмень: ТИУ, 2017.
5. Амиров, В.М. Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегия реализации: дисс... канд. филол. наук / В.М. Амиров. – Екатеринбург, 2002.
6. Арош, К., Анри П., Пешё М. Семантика и переворот, произведенный Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс / К. Арош, П. Анри, М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999.
8. Арутюнова Н.Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – 1985.
9. Бабюк, М.И. Социальная манипуляция: Философский анализ: дисс...канд. философ. наук / М.И. Бабюк. – М., 2004.
10. Барбашов, В.П. Цель как прагматическая категория [Текст] / В. П. Барбашов // Современное лингвистическое образование: Мир

- изучаемого языка: материалы межвуз. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 15 сентября 1999 г.: в 2 ч. / под ред. О. В. Труновой, Л. А. Козловой. – Барнаул, 2000. – Ч.1. – С. 125-127.
11. Барбашов, В.П. О роли интенционального концепта в интерпретации прагматического контекста [Текст] / В. П. Барбашов // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. – Белгород, 2001. – Вып. 5. – С. 208-210.
  12. Барбашов, В.П. Функциональная значимость дискурсной категории цели [Текст] / В.П. Барбашов // Язык. Культура. Коммуникация: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию факультета ин. языков. – г. Барнаул, 19-20 сентября 2002 г.: в 2 ч. / под ред. Э. Е. Курлянда. – Барнаул 2002. – Ч. 1. – С. 22-25.
  13. Барбашов, В.П. К вопросу о понятийной категории цели [Текст] / В. П. Барбашов // Материалы конференции молодых ученых, посвящ. 70-летию БГПУ: в 2 ч. / под ред. О. Г. Максименко. – Барнаул, 2003. – Ч. 1. – С. 12-15.
  14. Басималиева, М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М.К. Басималиева // Филологические науки. – 1999. – №2.
  15. Бехтерев, В.М. Внушение и его роль в общественной жизни / В.М. Бехтерев. – СПб., 2001.
  16. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 2. – М., 1963.
  17. Бондаренко, Н.А. Интенциональность социального поведения как философская проблема: автореф. дисс. ... канд. филос.наук / Н.А. Бондаренко. – М., 2010.
  18. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М., 1993.
  19. Вайсгербер, Й.Л. Язык и философия / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – №2.
  20. Варченко В.В. Цитатная речь в медиа-тексте / В.В. Варченко. – М., 2012.

21. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М., 1990.
22. Васильев А.Д. О некоторых вопросах изучения концептов // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития / Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. 26 - 30 мая 1998 года. – Ч.1.
23. Винник, Д.В. Рефлексивные и интенциональные состояния сознания: специфика и соотношение / Д.В. Винник // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – №1.
24. Власова, Ю.Н., Черкасс, И.А., Черникова, Ю.Н., Романова, О.В. Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике / Ю.Н. Власова, И.А. Черкасс, Ю.Н. Черникова, О.В. Романова. – Ростов-на-Дону, 1998.
25. Волков А.А. Стиль массовой коммуникации и общественно-языковая практика / А.А. Волков // Язык и массовая коммуникация: Язык и социолингвистическое исследование. – М., Наука, 1984.
26. Володина М.Н. Основные направления когнитивной лингвистики в Германии / М.Н. Володина // Вест. Моск. ун-та. Сер.9 Филология. – 1994. – №6.
27. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. – №1.
28. Вригт, Г.Х. фон Логико-философские исследования / Г. Х. фон Вригт. – М., 1986.
29. Габечава, Н. В. К вопросу о внеязыковом характере понятийных категорий / Н.В. Габечава // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: материалы первой международной школы семинара по когнитивной лингвистике 26-30 мая 1998 года. Ч 1. – Тамбов, 1998.
30. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 1984.

31. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль // Язык и интеллект. – М., 1996.
32. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М., 2004.
33. Данилова, А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – М., 2011.
34. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989.
35. Дейк, Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк. – М., 2013.
36. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1983. – №6.
37. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – №4.
38. Деннет, Д. Виды психики: На пути к пониманию сознания / Д. Деннет. – М., 2004.
39. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции / Е.Л. Доценко. – М., 2000.
40. Дускаева, Л.Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура / Л.Р. Дускаева // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей. – СПб., 2012.
41. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 2002.
42. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М., 1996.
43. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М., 2000.
44. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и АВС / Ю.Н. Караулов. – М., 1999.
45. Кацнельсон, С.Д. Речемыслительные процессы / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. –1984. – №4.
46. Кибрик, А.Е. Когнитивные исследования по дискурсу / А.Е. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – №5.

47. Кобозева, И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – 1986.
48. Кобрина, Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке / Н.А. Кобрина // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л., 1989
49. Колеватов, В.А. Социальная память и познание / В.А. Колеватов. – М., 1984.
50. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М., 1975.
51. Колшанский, Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1979. – №6.
52. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М., 1990.
53. Кошевой, К.К. Формы общественного сознания и язык массовой коммуникации / К.К. Кошевой // Язык и массовая коммуникация: Язык и социолингвистическое исследование. – М., 1984.
54. Краткий словарь когнитивных терминов // Под общей редакцией. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
55. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4.
56. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.
57. Кубрякова, Е.С., Александрова, О.В. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М., 1997.
58. Кузнецов, В.Г. Отображение в языке средств массовой информации определенной идеологической картины мира / В.Г. Кузнецов // Текст как отображение картины мира: сб. науч. трудов. – Вып. 341. – М., 1989.

59. Кузнецов, С.А. Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания / С.А. Кузнецов // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 года. Часть 2. – М., 2003.
60. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1977.
61. Ладов, В.А. Идея интенциональности в философии искусственного интеллекта Д. Деннета/ В.А. Ладов // Открытое и дистанционное образование. – №1. – 2003.
62. Ландгребе, Л. Интенциональность у Гуссерля и Brentano / Л. Ландгребе// Логос. – 2002. – №2.
63. Ланц Г. Интенциональные предметы / Г. Ланц // Логос. – 1997. – №9.
64. Левковская, Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? / Н.А. Левковская // Филологические науки. – 1980. – №1.
65. Ленкова, Т.А. Медиатекст в свете текстообразующих стратегий / Т.А. Ленкова. – М, 2011.
66. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М., 1969.
67. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М., 1975.
68. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Ростов-на-Дону., 1998.
69. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество / Е.А. Маймин. – М., 1982.
70. Макаров, М. Л. Основные теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.
71. Манаенко Г.Н.О содержании термина «дискурс» / Г.Н. Манаенко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы международного симпозиума 22-24 мая 2003 года. – Ч.1. Научные статьи. – Волгоград, 2003.
72. Матвеев, А. А. Модальность знания как модальность логического типа (на материале русских и английских глаголов публицистических текстов) / А. А. Матвеев // Филологические науки. – 2002. – № 2.
73. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М., 2000.

74. Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке / И.И. Мещанинов // Труды военного института иностранных языков. – М., 1945.
75. Микуров О., Каспришин А. Александр Суриков об итогах выборов 14 марта / О. Микуров, А. Каспришин // Алтайская, правда. – 2004. – №74.
76. Морозов, В.А. А Родина – это Алтай... / В.А. Морозов. – Барнаул, 2008.
77. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М., 1981.
78. Мутарана, У. Биология познания / У. Мутарана // Язык и интеллект. – М., 1996.
79. Назаров, М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования / М.М. Назаров. – М., 2014.
80. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М., 1988.
81. Никифоров, А.Л. Деятельность, поведение, творчество / А.Л. Никифоров // Деятельность: теории, методология, проблемы (над чем работают, о чем спорят философы). – М., 1990.
82. Никулин В. Что будет, если победит Евдокимов? / В. Никулин // Алтайская правда. – 2004. – №68.
83. Новиков, Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения / Л.А. Новиков. – М., 2001.
84. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1990.
85. Остин Дж. Избранное / Дж. Остин. – М., 1999.
86. Павиленис, Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М., 1983.
87. Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка / Р.И. Павиленис // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17. – М., 1986.
88. Панфилов, В.З. Язык, мышление, культура / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания – 1975. – № 1.
89. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – №4.

90. Переверзев, К.А. Высказывание и ситуация об онтологическом аспекте языка / К.А. Переверзев // Вопросы языкознания. – 1998. – №5.
91. Петров В. В., Герасимов В. И. На пути к когнитивной модели языка// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1988.
92. Петров В. В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. – 1990. – №6.
93. Пеше, М. Контент-анализ и теория дискурса / М. Пеше// Квадратура смысла. – М.,1999.
94. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – М., 2004.
95. Попова, Г. Что нам писали читатели перед выборами / Г. Попова // Алтайская правда. – 2004. – №74.
96. Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е.А. Попова // Филологические науки. – 2002. – №3.
97. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. – М., 1958.
98. Прехтль, П. Введение в феноменологию Гуссерля / П. Прехтль. – Томск, 1999.
99. Протасова, Е.Ю. Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания / Е.Ю. Протасова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1.
100. Психология: Словарь / Под.общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1990.
101. Радченко, О.А. Лингвофилософский неоромантизм Й.Л. Вайсгербера / О.А. Радченко // Вопросы языкознания. – 1993. – №2.
102. Ревзина, О. Г. Язык и дискурс / О.Г. Ревзина // Вест. Моск. ун -та. Сер 9. Филология. – 1999. – № 1.
103. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.
104. Рыжков, В.А. О роли информационных войн в современном мире / В.А. Рыжков // Современная Россия и мир: альтернативы развития

- (Информационные войны в международных отношениях): сборник научных статей. – Барнаул, 2012.
105. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика: Антология. – М., 2001.
106. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Зарубежная лингвистика 2. – М., 1999.
107. Серл, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М., 2002.
108. Серл, Дж. Что такое интенциональное состояние? / Дж. Серл // Язык, истина, существование. – Томск, 2002.
109. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып.18.
110. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М., 2002.
111. Современная западная философия: Словарь. – М., 1998.
112. Современный словарь иностранных слов. – М., 1993.
113. Сохарева Н., Башлычев С. На Алтае Шукшиным всегда рады / Н. Сохарева, С. Башлычев // Алтайская правда. – 2004. – №88.
114. Спиркин, А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – М., 1998.
115. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.
116. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985.
117. Субботина, Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе / Н.Д. Субботина. – М., 2014.
118. Суриков, А. Обращение главы администрации Алтайского края / А. Суриков // Алтайская правда. – 2004. – №84-86.
119. Суровцев, В.А. Интенциональность и практическое действие (Гуссерль, Мерло-Понти, Рикер) / В.А. Суровцев // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск, 1998.
120. Тальков, И.В. Монолог: Стихи, воспоминания, дневники / И.В. Тальков. – М., 2001.

121. Талькова, Т.И. Хроника трагического дня. Почему убийца Талькова так и не предан суду / Т.И. Талькова // Тальков И.В. Монолог: Стихи, воспоминания, дневники. – М., 2001.
122. Талькова, О.Ю., Тальков, В.В. Игорь Тальков. Крестный путь: из воспоминаний матери и брата / О.Ю. Талькова, В.В. Тальков. – М., 2009.
123. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник Московского университета. – Сер.9. Филология. – 1999.
124. Тепляков С., Токмаков В., Каспришин А., Башлычев С. У Алтая выбор был больше, чем у России / С. Тепляков, В. Токмаков, А. Каспришин, С. Башлычев // Алтайская правда. – 2004. – №73.
125. Тураева, З.Я. Лингвистика текста и категория модальности / З.Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – №3.
126. Фесенко, Т.А. Лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта в контексте семиотики / Т.А. Фесенко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №2.
127. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
128. Фоллесдаль, Д. Понимание и рациональность / Д. Фоллесдаль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.18. – М., 1986.
129. Франк, Д. Семь грехов прагматики: Тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // Зарубежная лингвистика II. – М., 1999.
130. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев, 1996.
131. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М., 1997.
132. Халина, Н.В. Исторический метод исчисления душевной связи и переживания (о политической истории по существу) / Н.В. Халина // Политическая история в эвристико-лингвистическом ракурсе. – Барнаул, 2006.

133. Халина Н.В. Теоретические дискрипции языка / Н.В. Халина. – Барнаул, 2006.
134. Хилл, Т. Современные теории познания / Т.Хилл. – М., 1965.
135. Черепанова, И.Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика / И.Ю. Черепанова. – СПб., 1996.
136. Чернышова, Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т.В. Чернышова – М., 2013.
137. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В.Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – №3.
138. Черняев, В. Вспоминая Игоря... / В. Черняев // ТУЛА: Литературный альманах. – Тула, 2003.
139. Черняев, В. Счастья не нашел бы он в покое / В. Черняев // Наш Игорь Тальков. Взгляд издалека: стихи, интервью, воспоминания. – Щекино, 2006.
140. Черняк, А.З. Проблема оснований знания и феноменологическая очевидность / А.З. Черняк. – М., 1998.
141. Чесноков, П.В. Неогумбольдтианство / П.В. Чесноков // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. – М., 1977.
142. Шабес, В.Я. Событие и текст: монография / В.Я. Шабес. – М., 1989.
143. Шахнарович, А.М., Голод, В.И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности / А.М. Шахнарович, В.И. Голод // Вопросы \языкознания. – 1986. – №2.\
144. Шевченко, А.Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов / А.Ю. Шевченко // Полис: Политические исследования. – 2002. – №6.
145. Шехтман Н.А. Лингво-культурные аспекты понимания // Филологические науки. – 2002. – №3.
146. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
147. Янко Т. Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4.

148. Bois, J. Du. Meaning without Intention / J. Du. Bois // Papers in Pragmatics. – 1987. – № 1/2.
149. Brentano, F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Band.1 / F. Brentano. – Hamburg, 1973.
150. Duranti, A. Intentions, Language, and Social Action in a Samoan Context / A. Duranti// Journal of Pragmatics. – 1988. – №12.
151. Esfeld, M. Von einer pragmatischen Theorie der Bedeutung zur Philosophie des Geistes / M. Esfeld // Pragmatisch denken. – Frankfurt-am -Main, 2004.
152. Habel Ch., Kanngiesser S., Rickheit G. Thesen zur Kognitiven Linguistik / Ch. Habel, S. Kanngiesser, G. Rickheit // Perspektiven der kognitiven Linguistik. Modelle und Methoden. – Opladen, 1996.
153. Habermas, J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt-am-Main, 1984.
154. Hartig M. Erfolgsorientierte Kommunikation. Wege zur kommunikativen Kompetenz. – Basel, 1997.
155. Jäger, S. Diskurs und Wissen. Theoretische und methodische Aspekte einer Kritischen Diskurs- und Dispositivanalyse / S. Jäger // Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Theorien und Methoden. Bd.1. – Opladen, 2001.
156. Kuße, H. Diskurs und Metadiskurs als linguistische Objekte. Theoretische Anmerkungen zu den Begriffen / H. Kuße // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. сб. науч. трудов. – М., 2003.
157. Lenke N., Lutz H. D. Sprenger M. Grundlagen sprachlicher Kommunikation. – München, 1995.
158. Lyons, W.E. Approaches to Intentionality / W.E. Lyons. – Oxford, 1995.
159. Malle, B.F., Knobe, J. The folk concept of intentionality / B.F., Malle, J. Knobe // Journal of Experimental Social Psychology. – 1997. – № 33.
160. Meibauer, J. Pragmatik: eine Einführung / J. Meibauer. – Tübingen, 1999.

161. Nuyts, J. Intentionalität und Sprachfunktionen / J. Nuyts// Intention. Bedeutung. Kommunikation. Kognitive und handlungstheoretische Grundlage Sprachtheorie. – Opladen, 1997.
162. Rickheit G., Stohner H. Grundlagen der Kognitiven Sprachverarbeitung, Modelle, Methoden, Ergebnisse. –Tübingen, Basel, 1993.
163. Schwarz, M. Einführung in die kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen, 1992.
164. Shweder, R.A. Thinking through Cultures / R.A. Shweder. – London, 1991.
165. Tugendhat, E. Vorlesungen zur Einführung in die sprach-analytische Philosophie / E. Tugendhat. – Frankfurt -am-Main, 1976.
166. Voswinkel, J. Zynismus mit journalistischem Antlitz: Russlands Medien, die Macht und die Ukraine / J. Voswinkel // OSTEUROPA. – 2014. – №5-6.
167. Wessels, M.G. Kognitive Psychologie / M.G. Wessels. – München; Basel,1994.

Научное издание

Владимир Петрович Барбашов

**ДИСКРЕДИТАЦИЯ ИЗВЕСТНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ:
(МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД)**

Монография